

Π РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

ПОЛЬ ВАЛЕРИ
СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Перевод
АЛЕКСЕЯ КОКОТОВА

П РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

Поль Валери

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Перевод
АЛЕКСЕЯ КОКОТОВА

Водолей
МОСКВА
2014

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)
В15

На обложке:
Гюстав Кайботт (1848–1894)
«Крыши в снегу» (1878)

ISBN 978–5–91763–209–4

© А. Кокотов, перевод, 2014
© Издательство «Водолей», оформление, 2014

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Небольшая книга Поля Валери «Charmes» была отпечатана 25 июня 1922 года (впрочем, некоторые стихотворения из нее к тому времени уже были довольно известны).

Сразу скажем, что русский перевод ее названия – «Очарования» (иногда «Чары») – условен и не передает подразумевавшейся автором французско-латинской игры слов *charmes – carmina*. Не сложись уже русская (скорее, советская) традиция, следовало бы переводить проще: «Стихотворения». Жеманная претенциозность и поэзия Валери обитают в разных вселенных.

В этой книге нет ничего, кроме чистой поэзии в единственно возможном смысле этого слова: ее автор, не раз встречавший прогуливающегося Анри Пуанкаре и переписывавшийся с Пикаром и Адамаром (других его современников: политиков, генералов, ночных пилотов, создателей многотомных эпопей и даже поэтов – ровесников или младших – вряд ли стоит тут упоминать), вполне мог протянуть руку Горацию.

«В области поэзии, – писал Валери в статье об одном старом французском переводе духовных стихов Св. Иоанна Креста, – у меня есть порок: я не люблю (почти до страдания) все то, что не дает мне ощущения совершенства. И, подобно другим порокам, он только усугубляется с возрастом»

Из отличительных признаков поэзии Валери достаточно назвать четыре: кованую форму (при необычайном версификационном разнообразии), кристальную прозрачность смысла (при головокружительной глубине), точечное воскрешение архаичного словоупотребления (изучение этимологических словарей – необходимая часть работы поэта) и необычайную музыкальность.

В русской поэзии XX века параллели Валери нет. У Малларме (преданным учеником которого был Валери) есть русский собрат – это Иннокентий Анненский, русский Малларме. Русский Валери либо зарыт в галицийских полях, либо расстрелян большевиками.

В 2008 г. в издательстве Бернара де Фаллуа вышла по-смертная книга Поля Валери «Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier», содержащая сто сорок стихотворений Валери, о существовании которых до недавнего времени знали лишь единицы.

Строго говоря, два стихотворения из этой книги уже были опубликованы в пятидесятых годах прошлого века в составе посмертного цикла «Двенадцать стихотворений» и еще одно – всем хорошо знакомо, оно вошло в раздел «Несколько стихотворений разных эпох» канонического свода Валери и было положено на музыку Пуленком.

Таким образом, в литературный обиход были разом введены сто тридцать семь неизвестных стихотворений величайшего французского поэта.

Стихотворений – не проходных, не случайных, не забракованных автором. Заветных. Тех, о которых он сам – строжайший и требовательнейший мастер – говорит в последней записи своей последней тетради: «<... > mes vers <...> faits de tout mon art et de tout mon coeur <... >» (<...> мои стихи <...> которым я отдал все мое мастерство и всю мою душу <...>).

За отточиями переводчика здесь скрыта одна из поразительнейших историй мировой литературы: история последней любви великого поэта и его черного отчаянья.

Первые русские переводы из посмертной книги Поля Валери (2008) – главного литературного события нашего времени – составляют вторую половину настоящего издания.

Алексей Кокотов

ЧАСТЬ I

CHARMES

СТИХОТВОРНЫЕ ЦИКЛЫ

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ РАЗНЫХ ЭПОХ

ДВЕНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

CHARMES

ЗАРЯ

Исчезает морок мрачный,
Спутанный, развеян сон –
Всходит солнце и прозрачный
Розовеет небосклон.
Преисполненный доверья
Прохожу души преддверья –
Перворечи чуден шум!
Тьму оставив за собою,
Умною своей стопою
Меру вымеряет ум!

Здравствуй заспанное братство
Сходных, дружественных слов,
Рифм отзывчивых богатство,
Блеск улыбчивых основ!
Ох, да их вокруг – корзины,
Гуд все ширится пчелиный,
Скала хрупкая дрожит,
На ее ступеньке шаткой
Безрассудною украдкой
Осмотрительность стоит.

Солнце осветило гужки –
И они уже дрожат!
Словно сонные моллюски
Рифмы хитрые лежат.
Та – блеснула, та – зевнула,
Вяло пальцем шевельнула,
Им по гребню провела,
Та – лениво потянулась,
Та – уже совсем проснулась,
Даже голос подала.

Что же нужно сделать, чтобы
 Утром встать наискоски?
 Мысли, разума зазнобы,
 Эх гульнули вы с тоски!
 – Дома мы не покидали,
 И зачем нам эти дали?
 Мы – с тобой, в твоём уме.
 Бесконечными веками
 Обитаем пауками
 В сокровенной древней тьме.

От ответов наших новых
 Опьянеешь сразу ты!
 Наплели мы солнц шелковых
 Под покровом темноты,
 Мы над пропастью, в зените
 Протянули наши нити,
 Потрудились чуток –
 И заткали верхотуру
 Шутка ль? – самое Натуру
 Проведя через уток.

В клочья рви их труд верховный!
 Прочь холстину! Поспеши
 В лес свой внутренний духовный,
 В Дельфы песенной души.
 Слух вселенский! Суть живая!
 Волны, до небес взмывая,
 Страстный дух возносят ввысь
 К куполу небесной дрожи,
 Чтоб слова, что с нею схожи,
 С губ дрожащих сорвались.

Виноградник прихотливый!
 Снов заветных дом родной!
 Только брошу взгляд пылливый
 – Новый образ предо мной...
 Каждым листиком над бездной
 Ключ живой укрыт любезный
 Тайных вод неспешен ход,

Обещает шум мне дальний:
 В каждой чашечке миндальной
 Новый созревает плод.

Куст не страшен мне терновый,
 И побудка веселит!
 В душу мне рассвет суровый
 Все ж сомнение вселит:
 Раной самую кровавой
 Не приобретешь ты славы.
 Чтоб не умерли ключи,
 Чтобы пенью быть неложным –
 А владенью непреложным –
 Творчески кровоточи.

Путь ведет меня недалний
 К озеру холодных вод.
 По нему в тиши хрустальной
 Упование плывёт,
 Неустанно хорошея,
 Лебединой тонкой шеей
 Рассекает грудь волны,
 И с волною той сливаясь
 Постигает, содрогаясь,
 Бесконечность глубины.

ОДА ПЛАТАНУ

Как скиф молодой, Платан, себя ты отдаешь,
Свой ствол склоняя белый.
Но твой порыв стеснен, ты с места не шагнешь
Стопой закоренелой.

О сень огромная, в тебе лазурь сама,
Тебя объяв, застыла.
Родимую стопу, как черная тюрьма,
Земля отяжелила.

Пускай твое чело блуждает в вышине –
Ветра ему мирволят,
Земля тебе ступить, хоть и в волшебном сне,
И шага не позволит!

Пусть соки вверх текут, восходят до чела
По жилам исполина,
Но вечного ему не разорвать узла,
Не двинуться с притина.

Ты чуешь вокруг себя личин растущий строй
Подземной гидры славной,
Подобные тебе, стоят и вяз с сосной,
И клен и дуб державный –

Под властью мертвецов куделью власяной
Врастают в пепел стылый,
И вниз летит от них цветочный, семенной
Поток тысячекрылый.

Осина, граб, и тот четырехствольный бук
(Четыре девы вместе)
Немое небо бьют, вздымая сотни рук,
В порыве тщетной мести.

Поодиночке жить должны, разделены,
Рыдать в недоуменьи –
Кто ветви им рассек напрасно, без вины
При нежном их рожденьи?

И к Афродите ввысь возносится душа
И вечер догорает,
И дева в сумерках проходит, не спеша,
И от стыда пылает.

Предвестьем пленена в нежнейший этот час,
Ей, побледневшей, мнится,
Что вскоре плоть ее на будущего глас
Должна оборотиться...

Но ты невиннее зверей лесных, и ты –
Ветвями весь в лазури.
И в сон предутренный войдут твои мечты,
Как грозный призрак бури,

О лиственная сень! Холодная идет
С нагорий трамонтана,
Звени, когда зима рукою проведет
По струнному Платану.

Решись на стон!.. Крутись! Пусть гибкая кора
Свивается канатом,
Стенание твое давно уже пора
Отдать ветрам крылатым!

Как мученик святой, кору с себя содрав,
Хлещи себя бичами!
Пусть, тлеющей золы бессильный прах поправ,
Восстанет к небу пламя!

Затем восходит ввысь пылающий псалом
До птичьих поселений,
Чтоб задрожал Платан своим сухим стволом
От огненных прозрений!

Насельник парка! Ты к любим ветрам привык –
 От качки ты хмелеешь!
 И просят небеса: дай нам, Платан, ЯЗЫК!
 Всемощный, ты сумеешь!

Пускай тебя поэт прославит на земле,
 С тобой в одно сливаясь.
 Наездник так сидит, как пригнанный, в седле,
 С конем не разделяясь...

Нет, – говорит Платан – пускай с моей главой,
 Сияющей в лазури,
 Поступит ураган, как с ветхою травой,
 Мы с ней равны пред бурей!

ПЕСНЬ СЕМИРАМИДЫ

Чело предчувствует лучистую корону,
 На глади мрамора, сквозь век смеженных зрит,
 Как время бледное расцветивает крону,
 Нисходит час ко мне и золотом горит...

*

«Явись в конце концов! И будь самой собою,
 Душа великая, пора уж плотью стать,
 Спеши, – твердит заря – над бездной огневою,
 Среди мириад огней возникнув, запылать!

Глухую ночь пронзил трубы протяжный голос,
 Живые губы вновь пьют ледяную тьму...
 И, брызнув золотом, пространство раскололось –
 В тот миг, как блеск былой припомнился ему!

К просвету протянись, рванись из тьмы дремучей,
 Пловца, покрытого нахлынувшей волной,
 На воздух выведет толчок пяты могучей –
 Толкнись внутри себя, явись на свет дневной!

Среди невидимых пройди переплетений
 И бесконечности бессилье разорви,
 Скорей освободись от хаоса видений
 И снов, что рождены от демонов в крови.

Я не боюсь причуд твоих непостоянства,
 Мне яства лучшие легко тебе подать –
 Питают пламень твой и ветер и пространство,
 Предчувствия мои попробуй оправдать!»

*

Я отзываюсь!.. Прочь из пропасти бездонной,
Где руки мертвецов бессильные сплелись,
Несет меня орел, всевластьем упоенный –
Я им восхищена в полуденную высь!

Лишь розу взяв, бегу... Стрелой пронзена я
Насквозь!.. вот горсть шагов, возникнув в голове,
Рассыпалась, бежит – вот башня, мне родная,
Вот руки я тяну к холодной синеве!

Семирамида, ты – отточенная спица,
Стремись, безлюбая, в единственную цель!
Лишь царства жаждает великая царица –
Ему твой призрак злой – наисладчайший хмель.

Не бойся пропасти! Внизу, в воздушной яме,
Повис цветочный мост! Грозна я и горда!
Владычествую я над теми муравьями,
Дороги стрелами пускаю в города!

Владения мои лежат звериной шкурой,
Ее хозяин – лев – моей рукой убит,
Но все скитается его тут призрак хмурый,
И, смерть в себе нося, стада мои хранит.

На солнцем залитом застыла я пороге,
Я сбросила с себя таинственный покров,
И слабости своей впиваю я тревоги,
И неба и земли двойной я слышу зов.

О пир могущества, трезвейшая из оргий!
Как паперть дымная из дальних крыш и роц
Пред зрительницей ниц пластается в восторге!
Как подчиняется событий тайных мощь!

Моя душа сейчас на этой кровле – дома!
Каким величьем ей величие дано,

Когда она, рукой невидимой ведома,
В глуби меня самой отворит вдруг окно!

Лазури жаждущий и славой упоенный
Теней бесплотных ад с чутьем вполне земным,
О грудь моя! Вбирай долины населенной
Чуть влажный аромат и душ прохладных дым!

Со смехом, солнце, вниз смотри на рой жужжащий!
Там во всю мощь, без сна мой Вавилон поёт:
Кувшинов слышен звон и ход телег скрипящий
И жалобы камней на каменщика гнёт.

Так пусть же страсть мою к суровым грозным храмам
Пилы и долота стенанья утолят!
Пусть толщу воздуха наполнят птичьим гамом,
Пусть форму ей дадут и строго огранят!

Рождается мой храм, встает между мирами
Обета моего – меж равных равный – плод,
Он к небу сам собой возносится волнами,
Легко преодолев кипенье смутных вод.

Народ бессмысленный, прикована к тебе я,
Нуждаясь в тысячах трудолюбивых рук.
Пусть в тысячах голов горит вражда плебея,
Их хруста под пятой сколь сладок самый звук!

Растоптанных рабов столь музыкален ропот,
Их гнев, рассеян, спит в спокойнейшей волне,
Что плещется у ног и чей чуть слышен шепот...
Но ужас мести жив и скрытан в глубине.

Бесстрастно слушаю я эти переливы –
В них ненависть ко мне давно затаена.
Душа великая всегда несправедлива –
Необходимости навек обручена!

Пусть сладости любви и не совсем чужда я,
Но лаской никакой не вынудить меня

Рабыней страсти стать, пластаться, угождая,
Несытой пленницей рыдая и стена.

Любовный пыл и пот, блаженное паденье
Двух тел, что качкою раскачаны морской...
Такого требует душа уединенья,
Висят сады мои над пропастью такой,

Что прелестям моим лишь громы не бесчестье!
Молили многие царицу всех цариц,
Коснувшийся меня рассыплется на месте –
И памяти сладка та череда гробниц.

Да будет сладостен мне храм новорожденный!
Очнувшись медленно, я вижу в полусне,
Как тяжестью своей и мощью упоенный
Растет он, замыслу довлеющий вполне!

Гром золотых цимбал собой наполнил бездну!
Как грозен трепет роз воздушных галерей!
Пусть в замысле своем великом я исчезну –
Семирамидою, царицей всех царей!

ПЕСНЬ КОЛОНН

Колонн призывает зов –
Абак укромна тень,
Прибежищ-картузов
Для птиц в погожий день!

Звонит беззвучный зов.
С верхов и до низов
Колонн немой соглас
Для чутких внятен глаз.

Зачем среди синевы
Лучитесь, одинаки?
Желаньям чистым вы –
Благоволенья знаки.

– Берем мы чистый тон,
Взмывая к небесам,
Прилежный наш канон
Поет твоим глазам.

Смотрю на гимн певучий –
Какая чистота!
И светлость их созвучий
Из света и взята!

Обречена слоиться
Златая наша стать
И мучиться на лице
Чтоб лилиею стать!

Стоим – одна к одной!
Железное зубило
Кристалльный, ледяной,
Каррарский сон разбило!

Чтоб ярче враждовали
Мы с солнцем и луной
Нас отполировали,
Как клавиш костяной.

Мы – безвоздушный вздох,
Беззубые улыбки,
Мы – стройных женских ног
Абстрактный образ зыбкий.

Мы суеверно схожи,
Подобен фризу фриз,
Акант аканта строже
Взирает сверху вниз.

Но пред очами тьмы
Мы – храм, пустой объём.
Богов не зная, мы
В божественность идём!

И нашу тень, и тонкость
Аттического смысла,
И нашей плоти звонкость –
Всё породили Числа!

Для дочерей своих
Закон суров и строг:
Упав с небес на них,
Уснул медвяный бог.

Он любит, он счастлив
Абака – что постель.
И светлых дней разлив
Окутал капитель.

Сто ледяных сестёр –
Горим неопалимо!
А ветерок-танцор
Меж нас пронесит мимо

Десятками – века,
За родом – новый род,
И вечности река
Непроходима вброд!

Все тот же – круг земной,
Все то же – неба бремя,
Но каменной волной
Мы рассекаем время!

Извеку, испокон
Идёт поход колонн –
Наш шаг не позабыли
Ни небыли, ни были.

ПЧЕЛА

О сколь смертельно это жало,
 Пчелою я напуган белой.
 И хрупкий короб оробелый
 Укрыл я тенью покрывала.

Приют любви оцепенелой –
 Грудь оживёт и вспыхнет ало.
 Пчела! Чтоб плоть не бунтовала,
 Свой жгучий яд целебным сделай!

Короткой пытки жажду я –
 Боль мимолётная ценней
 Страданий долгих бытия.

Пусть чувства всколыхнутся с ней!
 Без этих золотых тревог
 Дух в смертной дрёме изнемог!

ПОЭЗИЯ

От сосцов богини пеня,
 Жадный млечных их щедрот,
 Оторвался в изумленьи
 Разом пересохший рот:

– Мать-искусница! О, нежность!
 Млека нет в твоей груди!
 Не виною ли небрежность?
 Сладостная, погляди!

Лишь на персях этих полных,
 В белоснежности пелен,
 Поплавок на тёплых волнах
 Я забылся, усыплен,

Только в небе этом мрачном
 Тени отхлебнув густой,
 Стал я светлым и прозрачным,
 Исполняясь красотой!

Брошен в океан духовный,
 В бога преосуществлен,
 Погружён в покой верховный,
 Восхищённый – покорен,

И теченьем чудотворным
 Завлечён в волшебный плен,
 Стал я ночи тайнам чёрным,
 Смерть забыв, прикосновен...

Объясни, зачем так грубо,
 Виноваты без вины,
 Млека алчущие губы
 От струи отрешены?

Строгость! Вид твой недовольный
О недобром говорит!
И молчанья лебедь вольный
Больше рядом не парит!

Вечная! Твои ресницы
Занавесили мой клад!
Как от мраморной гробницы
От тебя исходит хлад!

Ты меня лишила света!
Обернись! И свет яви!
Чем ты станешь без поэта?
Что я буду – без любви?

Но ответный раздаётся
Голос на пределе сил:
– Сердце уж моё не бьётся,
Так ты грудь мне прикусил!

ШАГИ

Шаги, родясь во тьме бездонной,
Прошествовали в тишине,
И, набожно и непреклонно,
Неспешно близятся ко мне.

Ваш дар я, боги, прозреваю!
Украдкой сладостной, тайком,
Тень дивная и суть живая,
Ко мне подходит босиком!

И, если поцелуй – питатель
Готов сорваться с уст твоих,
Чтобы голодный обитатель
Бессонных мыслей поутих,

Все ж сладкий миг не торопи ты,
Грань хрупкую побереги.
Я здесь затем, чтоб стали слиты
Стук сердца и твои шаги.

ПОЯС

Лишь стало небо нежно ало,
 Всё ласке глаз себя открыв,
 За гибельный предел ступив,
 Вдруг в розах время заиграло.

Горит сияющий разлив,
 Немеет, в золоте покоясь,
 Но стянется летучий пояс,
 Кольцом все небо охватив...

Той ленты вольные блужданья
 В дыханьи воздуха струясь
 Затрепетать заставят связь
 Земного мира и молчанья...

Я был – и нет ... Стою, суров,
 Один, о сладостный покров!

СПЯЩАЯ

Какое тайное сжигает душу пламя?
 Вобрав цветочный дух, чей нежный лик застыл?
 Чьей тщетной силою первоначальный пыл
 Вкруг спящей женщины всё озарил лучами?

Ты восторжествовал, покой, над всеми снами,
 Немые вздохи ты, могучий, победил.
 Волнами тяжкими ты грудь врага покрыл,
 И тайный заговор составлен меж волнами.

О груди спящая теней и легких уз,
 Как грозен твой покой, как тяжек этот груз,
 Ты к грозди тянешься лениво-плавной ланью,

Покинуто душой, что свой проходит ад,
 Руки и живота струится очертанье
 И бодрствует. Пускай! – внимателен мой взгляд.

ФРАГМЕНТЫ НАРЦИССА

Cur aliquid vidi?

I

Цель чистая моя, о наконец блесни же!
 Я, как олень, бегу, и берег твой все ближе.
 Как колос срезанный, у края родника
 Я, жажда, упал средь дудок тростника.
 Но, чтобы совладать с любовью любопытной,
 Покоя не смущу я водной глади скрытной!
 Коль любите меня, вам, нимфы, должно спать,
 Довольно вздоха вам, чтоб вдруг затрепетать.
 Пусть, канув в сумерки, потерянно слабея,
 В паденьи легкий лист заденет чуть Напею –
 Чтоб спящий мир разбить, довольно и того...
 Пока вы дремлете – сохранно волшебство
 Но миг разрушит все малейшее движенье.
 Мой берегите лик в глубоком сновиденьи...
 Ведь лишь небытие рождает, претворясь!
 Смотри же на меня, о небо, нимфам снясь!

Печально сам себя ищу в себе напрасно
 И красота моя мне кажется неясной.
 Мечтайте обо мне, о чистые ручьи
 И прелесть и печаль мои без вас – ничьи.
 Не видя самого на свете дорогого
 В слезах мой взгляд падет на чуждого другого...

Быть может ждете вы иной, бесслезный, лик,
 Спокойные, всегда в уборе повилик,
 Тревожимы во сне нетленной высотой?
 О Нимфы! К вам влекусь дорогой тайной тою,
 Которой не сменить и не преодолеть.
 Вам отзвук бурь людских приходится терпеть!

Глубоких ровных вод блаженные чертоги!
 Я здесь совсем один!.. Пусть волны, эхо, боги,
 Вздыхая, разрешат мне быть здесь одному!
 Один! Опять один! К себе лишь самому
 Я прихожу, придя к зеркалу под листвою.
 Верхи дерев, застыв, молчат над головою,
 Вдруг голосом другим заговорил родник –
 Надежда слышится – к ней слухом я приник
 Внимая, как трава растет в тени священной ...
 Коварная луна отбрасывает блик
 На тайну, что хранит источник приглушенный,
 Я знать ее боюсь, страшит меня тайник –
 Таинственный изгиб любви столь непонятной....
 Ничто не скроется: пусть замолчал родник –
 Ты любишь сам себя! – мне ночь шепнула внятно,
 Лишь подтвердив, дрожа, заветный мой зарок.
 Но, кажется, лукав немного ветерок –
 Составили в ночи лесные эти своды
 Какой-то заговор с молчанием природы.

О сладость силу дня стерпеть и пережить,
 О миг, когда она должна уж отступить,
 А день пылает все, счастливый и усталый,
 Исполненный любви, чей отсвет нежно-алый
 Воспоминанием приходит в смертный час..
 Но вот растаял он, рассеялся, погас.
 Потерянно во тьме забытый вечер бродит
 И в сновидение неслышно переходит.

Но все ж какой ущерб в себе несет покой!
 Погибельно душа склоняется с тоской,
 Прося о божестве, – лишь волны в ней взыграют,
 Так тотчас лебедь их, разгладив, прочь стирает.
 О, этих вод не пьют окрестные стада
Другие, заплутав, здесь тонут навсегда,
 Разверстая, стоит прозрачная могила,
 Но не покоем – нет! – она меня манила.
 Свет ясный дремлет средь неведомых отрад,
 Но только проблеснул листвы далекий ад,

Как победитель тьмы – властительное тело –
 Извечный страх чащоб отвергнув, захотело
 Вдруг вечной ночи их, что спит среди ветвей.
 Все я наедине стою с тоской своей!
 Манит и гонит прочь телесное свечение,
 Я – тут, там – блеск воды и головокруженье!
 Оплачь, Нарцисс, всполох лазури роковой!
 С какою нежностью к воде я наклонился!
 В смертельной синеве увидев образ свой,
 К душе своей припал и вдоволь тьмой напился!

О силы вещице, провидческие сны
 Смотря в себя, как в жизнь иную,
 Вы видите себя из вашей глубины,
 Свою же плоть к себе ревнуя?
 Пусть беспокойных дум прервется мрачный ход –
 Что ищете умом не спящим?
 Не сможет вам помочь пустынный небосвод
 Стать в муках чудом настоящим –
 Ждет чудо тела вас – в зеркале этих вод...

Вбирая вас в себя, как жертвенную птицу,
 Дракон любви к себе вас взглядом поглотит.
 В блуждающую сеть вас приняли ресницы –
 Всполох ее шелков пускай вас удивит.

Да не помнится вам, что сменится эпоха
 В кристалле стынет – ваша кровь
 Не сможет и сама любовь
 Из волн немых извлечь ни вздоха, ни всполоха...

Пол-ох-а...

Плохо?

Кто

тут эхом вторит мне?

Насмешничает ли оракул этим гудом?

Иль потешается глубокий грот во сне?

Молчание каким-то чудом

Вдруг прервано, и все вокруг живет!

Что плохо? Знак плохой? Над гладью темных вод

Тростник ли жалобы мои здесь повторяет?
 Не гроты ль в глубине рокочат и рыдают?
 Не голос ли души родился и исчез?
 Набормотал ли что уже не спящий лес?
 О гул мучительный, о легкое дыханье
 Златой листвы вокруг, о предзнаменованье!
 Охотятся за мной все боги этих мест
 И тайною моей звенит весь мир окрест!
 Среди деревьев – плач, смех катится по скалам,
 И мог бы, кажется, усилием самым малым
 Волшебный этот глас меня восхитить ввысь!
 Увы, меж тысяч рук, что в дебрях поднялись,
 Средь зыбких сумерек забрезжил отблеск странный –
 Там, из остатков дня составлен, мой двойник
 В сиянии наготы, холодной и желанной,
 Среди печальных вод нечаянно возник.

Вот плоть нежнейшая из лунного сиянья
 Полна покорности и противостоянья,
 Чье имя дивное раскатами звучит!
 Но пленника листвы устал уж призывать я
 Напрасно медленно сжимаю я объятья
 И сердце бешено в моей груди стучит.

Рот сомкнутый его исполнен искушений,
 Прекрасный мой двойник! Меня ты совершенней,
 Подёнка вечная! как блеск вечерних рос,
 Как жемчуг, бледен ты в шелку своих волос.
 Ужель друг друга мы с Нарциссом полюбили,
 Чтоб тут же тени нас ночные разделили,
 Как делят яблоко, ножом напополам?
 Ужель

погибнешь ты,

когда я стон издам?

Я обучил тебя дыханью, я ль виною

Что вздох твой пробежал тревожною волною?

Дрожишь!.. Слова, что я шепчу, едва дыша, –
 В сомненьи между нас снующая душа,

Меж этим чистым лбом и памятью тяжелой...
 Я жажду жаждою, как раб, бесстыдно-голою,
 Как близок ты ко мне – тебя могу я пить!
 Ведь до сих пор себя я не умел любить,
 Себя я сам не знал, пылая этой жаждой ...
 О! Видеть, знать тебя! Повиноваться каждой
 Из пляшущих в душе неведомых теней,
 Следить за бурей таинственных огней
 На собственном челе! И наблюдать измену
 Смеющегося рта, взбивая мыслей пену,
 Что радугой блестит в глазах средь синевы....

Надменность с немощью, сколь дороги мне вы!
 Ведь даже девочка, что мчится от сатира,
 И ждет его, дразня и смеха не тая,
 Все нимфы робкие, все девственницы мира
 Влекут меня слабей, чем ты, о вечный «Я»!..

II

О воды хладные, спокойнейшие воды
 Нежны к лесным зверям, приятны пешеходу –
 Средь вас он ищет смерть, собою соблазнен,
 Судьбе вы сродственны, весь мир – ваш тайный сон.
 В воспоминание предвестье обратится
 И вами в вашем сне вдруг небо восхитится,
 Подобен сам себе меняющийся лик!
 Волна, моя волна! за бликом блещет блик,
 Года поверх тебя проходят облаками
 Знакома ты давно с телами и страстями,
 Тобой изведаны и лето, и весна,
 И звезды с розами, и – до глубин ясна –
 Жива ты тем сама, что ты же омываешь,
 Ты мудрость тайную в укывище питаешь
 Во тьме ее теней, отброшенных на лес,
 И мимолетный миг навек в тебе воскрес...
 Задумчивый притин неколебимо ясен,
 Храня угрюмый клад опавших листьев, басен,

Плодов и мертвых птиц и пряча слабый свет
 Сошедших в глубину давно забытых лет.
 В себе ты гибель их торжественно сокрыла,
 По лону вечному страстям ты разрешила
 Пройти и умереть... Охватывает страх
 Дрожащую листву и вся она в слезах
 Летит по ветру вдаль... Души горячей сила
 Прозрачную сестру пыланьем окружила
 Желая подчинить... И постигаешь ты
 С какою нежностью, скользя средь густоты
 Волос, спадающих с затылка дорогого,
 Всемощная рука потом вернется снова,
 К плечу, ведь для нее вся плоть – подвластный мир.
 Закрытые глаза уставлены в эфир,
 Полупрозрачных век пылает багряница,
 И пробивается упрямо сквозь ресницы
 Сияние двоих... Свое объятье для,
 Вдыхают ли они? Иль то зовет земля
 Огромную чету, что, слив уста с устами,
 На девственном песке сплетается телами
 В уже слабеющий чудовищный клубок.
 И как единый вздох счастливых душ глубокий,
 О как им сладостны взаимные щедроты!
 Но знаешь, чистый ключ, получше моего ты
 Какой средь этих чар созреет горький плод –
 У счастья пылкого всегда один исход,
 Лишь против любящих начнешь ты строить козни
 Расстроится союз, начнутся споры, розни,
 Зачатый посреди столь ласковых теней
 Исполнен многих зол, несчастный день взойдет.
 И скоро, мудрая волна – все та же, но другая –
 Они, что любят их, безумно полагая,
 Опять сюда придут вздыхать средь камышей,
 Влекумы Временем и памятью своей.
 В бессилии своем угнетены тенями,
 Небесной красоты их ослепляет пламя,
 Хранят в себе всполох счастливейших времен,
 Но видят только ход смертельных перемен...
 «Ты видишь уголок, что кипарисы скрыли?»
 «Как он спокоен был, как мы его любили!»

«Вдохнуть бы море вновь и свежесть дальних гроз!»
 Увы, слышна полынь за ароматом роз...
 Но все ж верховных треб дыхание сладимо –
 Горит листва вдали и слышен запах дыма!
 Дыша им, в забытии влюбленные идут
 И час отчаянья стопами тихо мнут...
 Их быстро-медлен шаг, с ним мысль в движеньи сходна,
 В безумцев головы входя поочередно!
 Убийство с ласкою трепещут в их руках,
 Сердца средь перемен, грозя разбиться в прах,
 Сражаются еще – надежда остается,
 Но в лабиринте ум потерянно мятется,
 Там заблудились те, кем проклят белый свет,
 Их одиночество, как сумасшедший бред,
 Провалы заселит, и тайное их ухо
 Услышит голоса, что неизвестны слуху.
 Рассеять эти сны дневной не сможет свет:
 Не страшен свет тому, чего на свете нет!
 И если распахнут они глаза сухие
 То, чтобы защитить потемки дорогие,
 Враз слезы потекут и тьма настанет вновь,
 И в тайне горестной безумная любовь
 Ту плоть, где счастливо жила душа былая,
 Лобзаньем заклеимит, от ярости пылая...

Но я, Нарцисс, любим – мне собственная суть
 Одна лишь любопытна.
 И кажется другим – всем тем, кто в нетях суть,
 Что сердце мое скрытно.
 О тело властное! С тобою мы одно,
 Средь смертных лучшего любить мне суждено.
 О нежно-золотой! Святей найду ль кумира
 В лесах или в глубине лазурного эфира
 Средь птиц бесчисленных, живящих небосвод?
 Возможно ль превзойти щедроты темных вод
 И гаснущего дня ко мне расположенье?
 Что может лучше быть, чем это отраженье?
 О тайная любовь, зажги меж нас огни,
 Молчанье с милостью навеки породни!

Дитя души и волн, двойник зеркальный, здравствуй!
 Бери свой полумир и безраздельно властвуй!
 Пусть нежность здесь свою испытывает власть,
 Пускай к себе припав, собой упьется всласть!
 Ты, сходствуя с мечтой моею, совершенен,
 И в хрупкости своей ты неприкосновенен!
 Но ты всего лишь свет, возлюбленная часть!
 И дружбе басенной подобна наша страсть!..
 Услышав нимфы вздох, бежим мы друг от друга!
 Что кроме тщетного узнаю я испуга?
 Как нежен выбор наш – поднять переполох,
 Себя настигнуть вдруг, застав себя врасплох!
 Рука с рукой сплелась, зло самоистребилось
 Молчание давно само себе приснилось.
 Одна и та же ночь закрыла нам глаза,
 Из них упала в тьму единая слеза.
 И сердце сжав одно, любовь уйти готова...
 Нарушь молчание, скажи лишь только слово!
 Балуют нимфы тут, Нарцисса очертя,
 Ты недоступен мне, жестокое дитя...

III

... Невинный знает ли, что обольщать умеет?
 В какую глубину меня завлечь посмеет
 Насельник пропасти и властелин чудес
 Во мраке зеркала, упавшего с небес?
 Печальное мое, оживлено стремленье,
 Полно доверия улыбки приближенье...
 Но мне мерещится, что губы чуть дрожат –
 Желанья новые меня уже страшат!
 Под ветром на воде – холодные завой,
 «Люблю!.. Люблю!..» Но кто любить бы мог чужое,
 А не свое?..

Свое лишь тело мне любить!
 От мертвых лишь оно способно оградить.

 Ты – на моих устах, а я – в своем молчаньи

Прочтем одну мольбу трепещущей любви:
 Багрянородный бог, свой спуск останови!
 Блаженные Отцы всех праведных обманов,
 Пусть изумрудный луч помедлит средь туманов,
 Заря вечерняя, чуть-чуть еще пордей!
 Помедлив на небе, с чистойшей из идей,
 Своей прозрачностью и чистотою схожий
 Сойди ко мне, двойник, на лиственное ложе,
 От нимфы отделясь холодною душой,
 Оставшись видным мне и будучи все мной,
 Возникнув, воплотись, яви себя мне смело ...
 О! Наконец схватить и сжать в объятьях тело
 Не женски-мягкое, как мякоть у плода,
 А твердое, как храм из каменного льда,
 В котором я живу ... Но губы оживают!
 О тело, чудный храм, что от меня скрывает
 Божественность мою... Хочу я усмирить
 Безумство этих губ и вдребезги разбить
 Ту крохотную грань, запрет существованью,
 Чуть-чуть дрожащее благое расстояние
 Меж богом и душой, меж мною и волной,
 Прощай... Вокруг плывут подвижной пеленой
 Прощаний тысячи ... И тени вдруг восстанут!
 Слепые деревья во мраке ветви тянут
 И ищут, жуткие, того, кто в нем исчез...
 Душа моя зашла в непроходимый лес,
 И обессиленна в стремленьи непокорном,
 И самой черноты коснувшись оком черным,
 Уперлась в пустоту, бесплодна и нема...
 О что за взглядом смерть глядит в себя сама!

День царственный, сгорев, со скорбной вереницей
 Уже ушедших дней пускай соединится –
 В глубинах памяти готова им нора...
 Плоть бедная, и ты соединишь – пора!..
 Склоняйся и владей! Пусть, трепетом объята,
 Придет любовь, что Ты мне обещал когда-то,
 Нарцисса сокрушит, и скроется вдали...

ПИФИЯ

Ревёт и изрыгает пламя,
 Вся выгибается, дыша!
 Хмелея в душном фимиаме,
 В падучей корчится душа!
 Бледна, уязвлена глубоко!
 Недвижное, достигло око
 Вершины ужаса. А взгляд,
 Безглазую оставив маску,
 Вперён в чудовищную пляску,
 И тёмной яростью объят!

Среди бушующей стихии
 Безумной тенью восстаёт,
 Где правят демоны глухие
 По стенам призраком плывёт.
 Рычит, и грозные раскаты
 Взрывают тишину палаты.
 На миг утишив вой, взамен,
 Торопит родовые спазмы,
 Вдыхая чёрные миазмы
 Грядущих в темноте времен.

Змея треножник обвивает,
 Блестит стальной чешуёй.
 В ознобе Пифия вызывает,
 Раскачиваясь со змейей:
 – Несчастливая! Что за страданье!
 Я вся разверстое зиянье!
 Последний перейдя предел,
 Я тайну потеряла разом,
 И похотливый Высший Разум
 Мною, понятою, овладел.

Жестокий дар! Насильник грязный!
 Прияв бесплодное зерно,
 Вспухает чрево безобразно,
 Не быв оплодотворено.
 О, моего не дли позора!
 Открытое бесстыдно взору,
 Натянутою тетивой
 Сорваться вдруг готово тело,
 Что душу в небо захотело
 Пустить отравленной стрелой!

О Ты, чей голос сплелся вместе
 С моим, Ты, просвещающая, – жжёшь!
 Кто воет тут, богов бесчестя?
 Чьё эхо мне гремит: ты лжёшь!
 Язык сминая мой и раня
 Волною пенящейся брани,
 Кто нудит рот произносить
 Косноязычные признанья,
 Сквозь зубы, сжатые в желанья
 Себя же в страхе укусить?

Я лишь в одном повинна, боги –
 Едва жила я до сих пор!
 Но коль решили вы в итоге
 Меня отправить под топор,
 Схватили чудище, пригнули
 К земле его и полоснули
 По горлу, после за виски
 Подняли голову победно...
 Пусть затвердеет сумрак бледный
 В недвижность мраморной доски!

И пусть тогда морские воды
 Веленьем странницы- луны
 Под вечные подступят своды
 Их воле впредь подчинены.
 Моих очей холодный пламень
 Да обратит в безмолвный камень,
 В застылых идолов немых,

Во статуи с душою трупов
 Людей с их гордостью столь глупой
 И болтовнёй несносной их!

О! Каково! Мне – стать змеёю?
 Всю плоть мою в пружину сжать?
 Членений мелкою игрою
 Переливаться и дрожать?
 Бессмысленную прю земную
 Возобновить? О нет! Верну я
 Давно забытую мечту!
 О память! Силою целебной,
 Алхимией своей волшебной
 Восставь былую красоту!

Возлюбленное воплощенье!
 Телесный облик красоты!
 Неутолённым вождельем
 Для Афродиты было ты!
 Все впадинки твои, вершины,
 Из чуткой вылеплены глины,
 Средь пены окарин и труб,
 Как острова, огнём пылали...
 Но Орки сделать возжелали
 Из них вот этот стылый труп!

О как к тебе, златолитая
 Плеча сверкающая тьма,
 Люблю щекой прильнуть я, тая,
 От нежности сходя с ума!
 Трепещут ноздри, чуя пряный
 Солёный ветер океана!
 Из бездны хлынувший прилив
 Ко мне всё выше подступает.
 И бездна бездну принимает,
 Объяты жадные раскрыв!

Свой строй – увы! – сменило пенье,
 Был выставлен печальный знак,

И указанье к помраченью
 Вдруг высветил мне Зодиак.
 И храма каменные своды
 Пещерой стали. Непогода
 Вдруг омрачила небеса –
 И, исступленья достигая,
 Мечусь я, пламя изрыгая,
 Вздымая дыбом волоса!

Меня узнали по стигматам
 На коже высохшей моей,
 И усыпили ароматом,
 Дыханья детского нежней.
 Они груди моей коснулись,
 Где странной вязью изогнулись
 Узоры явные змеи,
 Над спящею во мгле куренья
 Под тихо-жалобное пенье
 Свершили таинства свои.

Что сделать я сумела, чтобы
 Быть мучимой ужасно так?
 Снесёт богов глухую злобу
 Ослиный разве лишь костяк!
 Но рёбра девственницы хрупки,
 Жемчужной устричной скорлупке
 Нести не можно ничего
 Без запредельного мученья –
 Лишь только тяжесть отреченья
 И бремя девства своего!

О Силы Творческого Гнева!
 Мне воля ваша неясна –
 Зачем для жуткого посева
 Вам девственные ложесна?
 Так вот дары, что мне даются?
 Вы верите, что струны рвутся
 Чтоб грянул самый лучший звук?
 Вы плектром мне по торсу бьёте,

Но слышится мне в каждой ноте
 Кирки могильной мёртвый стук.

Я отвергаю дар прозрений!
 О Гнев, себя умилосердь –
 Пусть лаской станет огонь мучений,
 Пусть от меня отступит смерть!
 Твоей могущественной Силой
 Трясётся втуне стебель хилый –
 Избытки эти не нужны:
 Вода спокойная прозрачней
 Взвихрённой буйством бури мрачной
 Беснующейся глубины.

Приди не в этом сне жестоком,
 Не страшной молнией ударь –
 Всеозаряющим потоком
 Хлынь, Дивный Свет, на мой алтарь!
 Он хлынул! Что-то возвещает!..
 Нет! Только пропасть освещает
 Бездонно-мёртвой черноты,
 Зияющую в тьме зловещей,
 Где не мелькнёт и тени вещи
 Среди совершенной пустоты.

Нет нужды силою могучей,
 Играя, искры высекать!
 Все то же сделает и случай!
 Что можно в темноте искать?
 Ведь будущее с прошлым – братья,
 Навек сплетённые в объятьи.
 Двулика их голова
 В две стороны глядит... Однако,
 К ней с двух сторон плывут из мрака
 Глухих забвений острова.

Довольно свет искать, печально
 Сквозь слёзы всматриваясь в тьму,
 Тех слёз исток первоначальный
 Не виден взору моему...

Лишь вышняя зеница ищет
 Себе во мраке этом пищи!
 Недостижима неба твердь –
 Весь род людской к земле придавлен
 И в одиночестве оставлен,
 Пока свою не встретит смерть!

Душа! Мне эти звуки внове –
 Что значит этот странный гул?
 Биенье сердца? Шелест крови?
 Валов безжалостных разгул?
 Что возвещает мне победный
 В висках звенящий голос медный?
 Он мне о будущем звенит!
 И бьётся колоколом в скалы
 Тот час, что с силой небывалой
 Раздвоенное съединит!

Стою пред страшною ступенью,
 Ведущей к самой вышине,
 Из глубины ползущей тенью
 Смерть подымается ко мне.
 И пальцы Парок чуют чутко
 Как нить моя забила жутко!
 Гляди! Сейчас её порвёт!
 И жизнь средь стонов и рыданий,
 Среди последних содроганий
 В вершине счастья замрёт.

Стада, исполненные страха!
 Довольно в ужасе мычать!
 Выламывайте дверь с размаха,
 Сорвав ненужную печать!
 Взрывайте сумрачные недра,
 Где вас я воскормила щедро,
 Тяжёлым сковывая сном!
 Щетинясь зло, вздымаясь гордо,
 Бушуйте яростные орды,
 Сверкайте Золотым Руном!

*

Так, в жутких судорогах боли,
 Безумная, она вопит
 И возбуждается всё боле.
 А золото, дымясь, кипит...
 Но глас небес себя являет!
 И ухо радостно склоняет
 К живому трупу Главный Жрец.
 И голос призрачно-бесцветный,
 Звучащий из тиши заветной,
 Теперь расслышан наконец.

*

О, мерное великолепье!
 О наша честь, Святой ЯЗЫК!
 Твоих законов лёгкой цепью
 Сам Бог смирать себя привык.
 Как знак неслыханной щедроты,
 Раздались царственные ноты,
 Не человечьи голоса
 Звучат в небесном стройном хоре –
 То говорит живое море,
 Ревут валы, шумят леса!

СИЛЬФ

Ни тут и ни там –
Я лишь перелив,
Ни мертв и ни жив –
Потеха ветрам!

Ни там и ни тут –
Ни духа, ни тела,
Чуть только вздохнут –
И кончено дело.

Ни нечет ни чет?
В точнейший расчёт
Ошибку подкину!

И виден и нет –
Как грудь, я одет
В двойную холстину!

ВКРАДЧИВЫЙ

Излуки, извивы
Таинственных нот.
О сколь прихотлива
Наука длиннот!

Клоню я куда?
Ужели не ясно?
Не будет вреда,
Хотя и опасно.

(Пьянящий избыток
Всех с толку собьёт –
Пусть, гордая, пьёт
Веселый напиток

И нетерпеливо
Ждёт ноту из нот.)
Излуки, извивы
Я вью прихотливо.

МНИМОМЕРТВАЯ

В смиренности, с нежностью, над мраморной плитой,
 Бесчувственной чернотой,
 Там, где усталые твои благоволения
 Прядут из теней тьму забвенья,
 Склоняясь, падаю, проваливаюсь в тьму,
 В подземный мрачный склеп, в холодную тюрьму,
 В стеснение тленное, над прахом цепenea...
 Вдруг мнимомертвая – какая сила с нею? –
 Дрожа, язвит мне грудь, пронзив немую твердь,
 И тянет из меня сияющую смерть,
 Что жизни прожитой ценнее.

ПОПЫТКА ЗМЕЯ

Мне ветка яблони что зыбка
 Ее змеею обовью.
 И, щеря зуб, моя улыбка
 Пойдет одна бродить в Раю.
 Окутан кожей нагольной
 Главой качаю треугольной,
 Язык – раздвоенная нить...
 Я зверь, но, как меня ни кутай,
 Все острие ума не скрыть!
 Мой яд сильнее, чем цикута!

Разнежусь, кольца завивая,
 Я смертным страшен! Полон сил,
 Я чуть сейчас, во всю зевая,
 Пружины не перекошил!
 Лазурь мне блеска добавляет –
 Ведь Змей, что суть мою скрывает,
 Как зверь, бесхитроsten и прост.
 Явитесь, люди, предо мною!
 Необходимостью стальнойю
 Во весь пред вами встану рост!

Смерть скрыта золотом багровым –
 О Солнце, ты – случайный всплеск!
 Все живо здесь твоим покровом,
 Но западня твой лживый блеск!
 Под этой маскою надменной
 Тщета скрывается Вселенной,
 И знает мудрая Змея:
 Пусть сердце бьётся легковерно –
 Средь чистоты Небытия
 Наш мир – лишь мелкая каверна!

Всех сущих сковываешь сном
 Правдоподобно пасторальным,
 И, провожая их огнём,
 Ты звоном будишь их хрустальным,
 Смеясь, химеры создаешь
 И взору зримое даешь,
 Над вечностью взмахни крылами!
 Обман твой вновь меня пленил,
 Ты душу смутно осветил,
 О Царь теней, чье тело – пламя!

Тепло звериное пролей! –
 В него вползу с холодной ленью.
 В натуре свившейся моей –
 В тепле мечтать о преступленьи.
 Мне этот угол сада мил
 Тут утолился плотский пыл...
 Тут ярость славно так клокочет,
 Мы тут советуемся с ней,
 Тут, в кольца заплетаясь, Змей
 Свои заклятия бормочет.

Зов пустоты – начальный повод!
 Творец светящийся эфир,
 Как голос свой, как первый довод,
 Возжег – и распахнулся мир!
 Бог совершенную монаду
 Разрушил, разорвав преграду
 Столь надоевших вечных век,
 На брызги раздробил криницу,
 На мириады – единицу,
 Ничто в вещественность облек!

И Твердь и Время – заблужденье!
 Разверзшаяся полынья,
 В исток внезапное паденье –
 Всполох среди небытия!
 «Я! Я!» – грохочет Первослово,
 Нет! Собеседника иного
 Безумному Творцу не знать!

Средь звезд я первый! Есмь! Пребуду!
 Соблазнов гаснущую груду
 Огнями озарю опять!

Твой свет люблю я иступлённо!
 Твой ненавижу ореол!
 Твоею волей я Геенну
 В свое владенье приобрел!
 Как в зеркало, в мой сумрак глядя,
 Ты видишь гордость черной глади,
 Где похоронен образ Твой,
 Исполнен Ты таким страданьем,
 Что глина под Твоим дыханьем
 Отчаянья исторгнет вой!

Напрасно все же в этом иле
 Двух простецов Ты замесил,
 Чтоб ежедневно Богу Сил
 Они молитвы возносили.
 Едва на солнце ил подсох
 Я к ним подполз: мол, ах да ох!
 И ну шипеть свои глаголы:
 Новоприбывшим, мол, я рад!
 Мне бельши ласкают взгляд!..
 Да вы же... совершенно голы!

Как гнусно вы Ему подобны,
 Мерзит мне самый ваш замес!
 О, как я ненавижу злобно
 Творца сплошных недочудес!
 Я Тот, кто вносит исправленья
 В несовершенные творенья!
 Великий Мастер миражей
 Исправит недосотворенных,
 И в двух рептилий разъяренных
 Бесцветных обратит ужей!

Я в самом сокровенном месте
 Души их, действуя с умом,

Расшевелю орудье мести,
 Что создано Его трудом!
 Пускай Он в вышних и овамо
 Доходят только фимиамы,
 Но и пределов звездных куш
 Достигнет смутная тревога,
 Родив сомнение у Бога
 Что он велик и всемогущ!

Верчусь и вьюсь я в склизкой коже,
 Чтоб прямо в сердце проскользнуть,
 Видал ли кто такую грудь,
 Чтоб были сны в нее не вхожи?
 И кто б кем ни был, разве я
 Не есмь любезная змея
 Души, самой собой любимой?
 Ее глубинный я искус,
 Ее неповторимый вкус,
 В самой себе лишь находимый!

Я Еву давеча врасплох
 Застал в раздумье погруженной –
 Застыв, ловила каждый вздох
 Живыми розами рожденный,
 Сверкала смелой белизной,
 Ни человек, ни жар дневной
 Не страшен был холоднокровной
 С душой совсем еще тупой,
 Душой бескрылою, со словно
 К земле приросшею стопой.

О ты, прекраснейшая груда
 Наверно вызнанной цены!
 Не уступаешь ты покуда
 Усилья не применены.
 Чтоб были все покорены
 Довольно чтобы ты вздохнула –
 Сильнейших круто ты согнула,
 Чистейшие – теперь грешны ...

А я... до самой глубины
 Ты и вампира всколыхнула.

В густой листве лежу на страже,
 А между тем средь болтовни
 Рептилия и в птичьем раже
 Сплела ячеи западни.
 Ты мною выпита, но сладко
 Мне наблюдать тебя украдкой.
 Уснул я, глаз уставив свой
 В волос твоих золотые волны,
 В затылок твой, как будто полный
 Секретов прелести глухой!

Здесь воздух весь пропитан мной...
 Змеиных мыслей ароматы
 В сцепленьях вьются, неразъяты,
 Маня лукавой глубиной.
 Тебя смутил я новизной –
 И плоть решила без возврата,
 Хотя ей чуть и страшновато
 Стоять над этой крутизной...
 По знакам всем – готов ручаться –
 Недолго ей сопротивляться!

(Гордящаяся простота –
 Замысловатейший предмет!
 Очей невинно-ясный свет,
 Безмыслие и чистота
 Хранят – надежнее щита.
 Создать случайность – вот секрет,
 Искусства изошренней нет,
 Им будет дверца отперта.
 Моё тут нужно мастерство –
 С ним Змея сродно естество!)

Итак блестящей стружкой слюнной
 Систему легкую сплетём –
 Опасный план для Евы юной –
 Пускай запутается в нём!

Пойдут по жертве волны дрожи,
 Мой шелк тяжёл для нежной кожи –
 Привычна ей лазурь одна!
 Не вынесет прозрачной дымки,
 Что будет мною сплетена
 Из прочной нити-невидимки.

Раззолоти, язык, наи-
 Приятнейшие изречения,
 Остроты, умозаключенья,
 Намеки, выдумки свои.
 Пускай все эти средства вместе,
 Приправлены крупницей лести,
 Ее паденье повлекут.
 Уклонам гибельным покорны,
 Пусть синие ручьи стекут
 С небес в глубокий омут черный!

О сколько я необычайной
 Тончайшей прозы кружевной,
 В пушистый лабиринт ушной
 Забросил, словно бы случайно.
 Не пропадет – я думал – даром,
 Коль сердце медлит так с ударом!
 Мое назойливое слово,
 Как шмель у венчика цветка,
 Звенит у уха золотого,
 Победа – знаю я – близка!

И дышит жарко ей змея:
 Божественное Слово лживо!
 Бойтся Старый очень живо,
 Науки быстрой остря!
 Сей спелый плод – мечта твоя,
 Старик её отнял ревниво –
 Мол, будь покорна и стыдлива.
 Но ты же, Ева, не пуглива:
 Расплав тут чистый бытия –
 Кусни – и будущее живо!»

Она впивала – я же пел,
 Свивали сеть мои напевы,
 И взгляд ее, упав на Древо
 Уже загадочно темнел...
 Ведь тот, кто громче всех умел
 Смеяться над твердыней чистой,
 О, ты грешнейшее из тел, –
 Был гласом в тьме зеленолистой!..
 Строга стояла и важна,
 Но все же слушала она!

Ты слышишь ли в своей алчбе
 Страстей запретные призывы? –
 Украл, пустил я по тебе
 Любви горячие извивы!
 Теперь он наш – небесный дар,
 Он тоньше, слаще, чем нектар...
 Ты, Ева, вся уже пылаешь –
 Вот яблоко. Бери же, на!
 На то рука тебе дана,
 Чтоб брать все то, что пожелаешь!

Всего-то взмах ресничных взмыл,
 Я ощутил ее дыханье
 И тени легкое касанье...
 Свисти!.. Свисти! – все говорил
Второй, но вдруг, как столб, застыл –
 И пробежало содроганье
 По всей длине змеиных жил,
 И ярко вспыхнуло сознание,
 Как гребня моего берилл,
 И ужас нас волной накрыл.

Вот и конец всей долгой муке!
 Пусть робкий шаг босой стопы,
 Что сделан к новой был Науке,
 Продлится топотом толпы!
 Так дышит мрамор, гнется золото!
 Пусть дрожью *белыши* объаты
 Перед разверзшимся жерлом –

Колелется Великий Случай,
И с очевидностью могучей
Согласье выпало «орлом»!

Разнообразью предложений
Поддайся, плоть, и согреси!
Пусть жажда перевоплощений
– Как эти позы хороши! –
Пробудит хоровод движений
Вкруг Древа Смертного в тиши!
Не ведай, милая, сомнений,
Не думай, знай себе пляши!
Для радостей и наслаждений
Не нужно лишних рассуждений!

Безумен, впрочем, я вполне,
Бесплодно это начинанье –
Гляди, по всей ее спине
Идет волна непослушанья!..
Открыв ей суть существованья
И показав Добро и Зло,
Все Древо вещее Познанья,
Ожив, в неистовство пришло,
И к солнцу ветви воздевает,
И сны священные впивает!

О Древо, Древо всех дерев,
Твой рост неудержим высокий!
Ты ищешь потайные соки,
Во сне глубоком обмерев.
Сколь страшные переплетенья,
Какие сгустки черной тени
Ты в небеса по жилам шлешь,
Что в утро выйдут ароматом,
Росой и голубем крылатым!..
А ты все дремлешь и поешь!

Сокровищ, скрытых в глубине,
Певец и потайной Искатель!

В навеянном тобою сне
Забылся с Евой Змей-мечтатель.
Ты, Древо, в буйной тяге *знать*
Растешь, чтоб лучше *увидать*,
В ответ на зов своей вершины.
Но, в звездном золоте огней
Купая лес своих ветвей,
Корнями – рвешься ты в глубины!

О Древо, твой могучий рост
Дает безмерность мирозданью,
И от могил до вышних гнезд
Ты ощущаешь ход Познанья!
Но Мастер шахматной игры,
Пытаясь скрыться от жары,
В твоих ветвях играет в прятки!
Он взглянет – все идет вразброд!
Сейчас он тут обронит плод
Отчаянья и беспорядка!

Свищу себе я, мудрый Змей,
Раскачиваюсь в поднебесье.
Печали торжество моей
Со славой Божьей – в равновесьи!
Надежда в песенке звучит –
Пускай познанья плод горчит –
Пылают жаждой дети ила!..
То жажда древняя твоя,
Она до Жизни разъярила
Всесилие Небытия!

ГРАНАТЫ

Нет, не тяжелого граната,
Зернистая, вспухает плоть –
То мысли рвутся расколоть
Чело высокое Сократа!

О, если в августовский жар
Разверзся на две половины
Упрямый плод, и все рубины
Вдруг показал надменный шар,

И если с силой небывалой
Вдруг брызнул сок наружу алый,
Перегородки сокруша,

И хлынул свет из тьмы разбитой –
Пусть верность сохранит душа
Своей архитектуре скрытой.

ПОТЕРЯННОЕ ВИНО

Вино я пролил в океан
(не помню уж в каком краю)
И драгоценной влаги гран
Пожертвовал небытию...

Ведом ли промыслом я был?
Чем оправдать потерю мог?
Не думал ли, что кровь я лил,
Средь сердца горестных тревог?

Зарделось облачко тумана
В хрустальном лоне океана –
И вновь прозрачна глубина...

Но в волнах, хмелем упоенных,
Вдруг пляска стала мне видна
Фигур глубоко потаенных...

ВНУТРЕННИЙ МИР (INTÉRIEUR)

Пред тем как в зеркало прозрачное вернуться
 Рабыня под цветком сменяет воду в блюде
 И щедрым манием руки своей потом
 Впускает женщину в пустынный этот дом,
 И чинно бродит та меж взглядов, как живая,
 Рассеяности их стекла не разбивая.
 Так в линзу входит луч – ее он не сожжет,
 И разум чистоту свою убережет.

КЛАДБИЩЕ НАД МОРЕМ

Спокойствие, где парусники реют,
 Среди ветвей могильных пиний мреет.
 Притинный зной из огненных кругов
 Вновь воссоздал сияющее море,
 Мысль обрела награду в долгом взоре,
 Что обращён к бесстрастию богов!

О что за блеск! Работой тонкой света
 Из легких пен гранятся самоцветы!
 Там тишина сгущается в кристалл,
 Там Солнце спит, покоясь средь вселенной
 И – следствия причины неизменной –
 Мерцает Час и Сон – Познанием стал.

Сокровище! Прозрачный храм Паллады!
 Отвесная высокая громада!
 О мой покой, зеница всех зениц!
 В каком огне твой сон себя скрывает!
 Возрос в душе твой купол и сияет
 Чешуйками несметных черепиц!

Храм Времени простому вздоху равен
 И я встаю, с простором равноправен,
 И море спит в спокойствии своём,
 Мой взор им полн: и он – бесстрастно, словно
 Им дар богам приносится верховный,
 Презрением наполнил окоём.

Как сладкий плод, с весельем претворенный
 Во вкус во рту, ликует, растворенный,
 Из формы прочь выскальзывая в смерть,
 Я чую дым костра последней требы –
 А в вышине – душе сожжённой небо
 Поет, что в гул преобразилась твердь.

Смотри же, твердь, на чудо перехода!
Покину я и гордый ум и годы
Неделанья, в которых крылась мощь,
Средь этого – всё взявшего – свеченья
Я проберусь, полупрозрачной тенью,
Под вечный свод, во мглу летейских рощ.

С душою, тьме открыто предстоящей,
Отвесный свет, безжалостно палящий,
Я выдержу, о дивный мой Судья,
И возвращу навверх незамутнённым.
Теням блуждать под небом раскалённым
– Мрачнейшая повинность бытия.

Лишь для себя, там, где-то в средостеньи,
Где прячется исток стихотворенья
Меж проблеском и полной темнотой,
Все эха жду я в тишине безмерной
И горестно печальная каверна
Звучит в душе грядущей пустотой.

О, в мнимый плен захваченный ветвями,
Сжигающий завесы над глазами,
Открой, Залив, блистающий секрет –
Чье тело вниз меня влечет так сильно?
Чей клонит лоб его к земле могильной?
Лишь искорка блеснула мне в ответ!

Заклят, забыт, сияньем бестелесным
Исполнен весь, открыт лучам отвесным
Клочок земли – одно из лучших мест.
Здесь мраморы трепещут над тенями,
И пинии склоняются ветвями,
Могилы спят, и море спит окрест.

О, Гончий Пёс! Пусть идолопоклонник
Уходит прочь! Я, одинокий конник,
Пасу своих таинственных овец!
Стада могил кругом меня белеют –
Пусть ангелы приблизиться не смеют!
Пустые сны, развейтесь наконец!

Придя сюда, Грядущее – лениво.
Сухую пыль Кузнец скребёт пугливо,
Все выжжено, и в невесомый шум
Обращено невесть какой украдкой.
Ничто – пьянит, и горечь стала сладкой.
Жизнь – широка, и прояснился ум.

В такой земле и мертвецам посуше
Им здесь тепло, их тайны стали глуше...
Вершина дня, пылающий зенит,
Недвижная золотая диадема,
Сама себе довлеющая немо,
Меня в себе движением таит.

Лишь я её вмещаю беспокойства!
Моя тоска, привязанности, свойства –
Лишь трещинки в тебе, Большой Алмаз!
В ночи своей – под мраморами, в яме –
Слепой народ, сплетается с корнями,
На стороне Твоей он в этот раз.

Растаяли в провале онемелом,
Средь красных глин побыв бульоном белым...
И чудо – жить! – ушло от них к цветам!
Где их душа? Излюбленные фразы?
Особый блеск? Теперь им оба глаза
Покрыла тьма, и черви выют там.

Притворный визг притиснутой девицы,
Сверканье глаз, намокшие ресницы,
Отдавшийся полуоткрытый рот,
Упорный пыл и жаркие приливы,
И бедра, вдруг сведенные стыдливо,
Землёю став, ушли в круговорот.

А Ты, Душа, питаешь ли надежду,
Что Вечный Сон пременит лишь одежду
Злачёных волн, которой жизнь пестра?
Ты будешь петь, став с облаками схожей?
Святая страсть, пожалуй, смертна тоже –
Жизнь расплзлась. Иди, Душа, пора!

Бессмертия мне чёрный образ страшен,
Он лаврами и золотом украшен,
Но станет смерть ловушкой для всех!
Что кажется манящей грудью млечной –
Святой обман: за жизнью быстротечной
Пустых глазниц раздастся жуткий смех!

О пращуры, что жили здесь когда-то,
Надежно вы засыпаны лопатой,
Помеха нам – ваш холмик земляной.
Вот – истина, вот – довод настоящий:
Голодный червь, во тьме ночной не спящий,
Он жив, он здесь, он за моей спиной!

Кто он? Любовь? Иль самоотрицанье?
Столь близок он, что всякое название
Тут подойдет! Бессонно я лежу,
И он подполз, примерился, вцепился!
Ему я люб: о, он мне не приснился
Я целиком ему принадлежу!

Зенон! Зенон! Не ты ли, разъярённый,
Послал в меня стрелою оперённой?
Недвижная, летит она, звеня!
Все создал звук, стрела же всё убила –
Со скоростью стоящего Ахилла
Хелоны тень преследует меня!

Нет! Нет! Вставай! И в будущую эру!
Все формы прочь, отмерь иную меру!
Соленый ветер, войди мне снова в грудь!
Как свежестью сейчас пахнуло с моря!
Как пенный вал вскипает на просторе,
Родись, душа, очнись и снова будь!

О, Океан! О, гений в огневице,
О, солнечный кумир тысячелицый!
О, скопище пятнистое пантер!
О Гидра гидр! Восстань же, нависая,
Блестящий хвост сама себе кусая!..
Все замерло!.. И ветер новых эр

Поднялся вдруг! И жизнь – передо мною!
Встаёт, ревёт, и в скалы бьет волною!
И в пене брызг не видно уж земли!
Покоя нет! Сверкает гневом око!
И книга вновь распахнута широко!
И в пропасть с волн ныряют корабли!

ТАЙНАЯ ОДА

Как славно сладостным паденьем
 Во тьму забвения вернуться,
 Оттанцевать и с наслажденьем
 Во мху всем телом растянуться!

Лоб – в каплях пота, на него,
 Сверкая, лег нездешний свет.
 Неповторимо торжество –
 И мига праздничнее нет!

Пусть тело в схватке с Геркулесом
 За чудом чудо совершало –
 Упало наземь тяжким весом
 И грудой розовою стало!

Горит над спящим звездный строй,
 Ты будешь медленно разъят –
 Равно и Гидра и Герой
 Вселенной вечной предстоят...

Телец! Возничий! Андромеда!
 Какие формы Постоянства
 Души высокая победа
 Пустому придает Пространству!

Созвездьем на небе зажжён
 Теперь ты Зверь иль светлый бог!
 И всеселенски возглашён
 Деяний блестящий итог!

ГРЕБЕЦ

Усиле весл меня уносит вдоль излучи
 И вырывает прочь из власти берегов,
 Идет по глади строй размеренных кругов,
 И тяжелы души натруженные руки.

Пускай вокруг меня листва горит в огне –
 Я взмахом этот мир блестящий разбиваю,
 Гляжу рассеянно и тихо напеваю,
 И тонет небосвод в медлительной волне.

Какая тишина застыла над рекою,
 В разводах на воде, в сплетении ветвей...
 Плыви, моя ладья! Сомни, сотри, развей
 Воспоминание великого покоя.

Очарованья дня! Бунтуя, никогда
 Никто не мучил вас доселе столь жестоко.
 Из детства вырванный, я вновь иду к истоку,
 Где даже от имен – ни звука, ни следа.

Борюсь я с нимфою, огромной, протяженной
 Что не дает мне плыть, сковав и изнузив.
 Разбив холодный плен, медлительный порыв
 Сумеет совладать и с властью обнаженной.

Как будто тайный звук текучих этих вод
 Завесой жизнь мою окутывает чудно,
 И радость древняя вступает безрассудно
 В потока мерный шум и волн извечный ход.

Под сводами мостов, плыву я, леденя,
 Где ветер кружится и воет от тоски,
 Мой лоб они берут в тяжелые тиски
 Но ость надменная той тяжести сильнее.

Их ночь все тянется. Склоненьем головы
 Я уступаю им и прикрываю веки.
 И в каменную стынь ныряю я навеки
 К презренью хладному бесплодной синевы.

ПАЛЬМА

Чуть утишил ангел страшный
 Благостынь опасных гром,
 Ниспослал простые брашна –
 Хлеб с обычным молоком.
 Паки ангел мой и паки
 Веком подает мне знаки:
 Тише! В этом тайна вся!
 Тише! Тише! Лишь в бесстрастьи
 Пальма обретает счастье,
 Изобилие неся!

Ветви чем её согбенней,
 Чем тяжеле сладкий груз,
 Тем она и совершенней,
 Тем ей легче среди уз...
 В вышних как трепещет кроной!..
 Пусть волокон ток зелёный
 Медленней подземных вод –
 Не прервут его движенья
 Ни земное притяженье,
 Ни тяжелый небосвод!

Солнце с тенью рассужает,
 Нежная, царит одна,
 И сивилле подражает
 Вещей трепетностью сна.
 И хранит свои устои,
 Всё на том же месте стоя.
 Праздный ей невнятен зов!
 Но в молчаньи благородном
 Ждёт с достоинством свободным
 Только мания богов!

На воздушных втихомолку
 Легким золотом звеня,
 Оболочкою из шелка
 Дух песков обременя,
 Возвышает голос вечный
 Среди пустыни бесконечной,
 Ветви простирает вдаль,
 В мире со своей судьбою
 Говорит сама с собою
 И поёт свою печаль.

Но меж тем как над песками
 В забытии она поёт,
 Понемногу, день за днями,
 В ульях прирастает мёд.
 Это сладостное бремя
 Тихо налагает время,
 Чей неторопливый нрав
 Дней неспешных не считает,
 Влагу блага накапливает,
 Всю любовь в себя вобрав.

Ты возропщешь в ожиданьи
 Дальних медленных времён,
 Но скупое созиданье
 Не ускорит перемен.
 Над пустыней тени мреют,
 Золотые силы зреют,
 Не хули неспешный труд:
 Знай – живительные соки
 В нам неведомые сроки
 Ввысь торжественно взойдут.

Эти дни как будто пусты
 И скушны, но почему
 С жадностью тысячеустой
 Корни впитывают тьму?
 Прорастает в средостенье
 Хищное переплетенье,
 Тянется за нитью нить

В мира самую утробу,
 Чтоб достичь воды и чтобы
 Жажду кроны утолить.

Терпеливо в вышних жагдай!
 Терпеливо! Знай, потом
 Твой смиренный атом каждый
 Спелым может стать плодом.
 Пальма вдруг нам чудо явит
 Крылья голубь ли расправит,
 Ветви ль ветер шевельнёт,
 Женщина ль к стволу прижмётся –
 Ливнем влага вниз прольётся!
 На колени нас швырнёт!

Гром прокатывает мимо –
 Всех нас в прахе распростерть.
 Пальма! Неостановимо
 Скаты сотрясает твердь!
 Ты не постыдила время!
 Выносив такое бремя,
 Ты не сникла до поры!
 Мысль! В работе многотрудной
 Будь подобна пальме чудной
 И расти свои дары!

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ РАЗНЫХ ЭПОХ

СНЕГ

Ход лопаты один тишину нарушает –
Утром встав, там внизу кто-то снег расчищает.
Теплотой полусна все еще ты храним,
И глазам твоим свет за окном нестерпим.
Свежесть снега страшит, телу нежиться – сладко...
Без тебя, в темноте, сколько хлопьев украдкой
Средь глухой тишины ночью пало с небес!
Целый мир в пелене этой белой исчез!
Он – пустыня теперь, все черты его стерты,
Очарованный, спит в тишине распростертый...
Все же взгляд различит пару крыш и дымок,
Чтобы, все потеряв, безутешный, ты мог
Средь пустыни слепой, безголосой, безличной
Легкий след отыскать нашей жизни обычной.

КРУШЕНИЕ

В который час судьба неотвратимо
Как тень падёт и корпус разорвёт?
Какая мощь рукой, неощутимо,
Весь остов наш во тьме переберёт?

Обрушась, смерч с обломков носа смоем
Все запахи – и жизни и вина.
Придёт прилив, вода могилу скроет –
Ровнять и рыть равно она годна.

И, гнусный трус, чье сердце дико бьется,
Что, пьяный вдрызг, блуждает среди морей,
Чья, качкой злой измученная, рвется
Душа бежать, и в ад попасть скорей,

Я, человек, высчитываю в страхе
Всю связь причин. И, с ясной головой,
Предвижу я, как время в полном крахе
Себя убив, завод ломает свой.

Будь проклят скот, чьей волей гнилью полны
Все палубы и трюмов чернота.
Гнилой ковчег к востоку тащат волны,
Тварь изнутри крушит его борта.

С пучиной мы в единого жонглера
Слились вдвоём, перемешав пестро
Все образы: вот чашка из фарфора,
Вот мать моя, вон шлюха из бистро.

А вон Христос, подвешенный на рее!
Он рвется в смерть со всеми заодно!
Кровавый глаз сияет Назаря –
Экзерг гласит: КОРАБЛЬ ПОШЁЛ НА ДНО!

БЕСЕДА

Для двух флейт

*Франсису Пуленку,
положившему её на музыку*

А

С розы, что безуханна,
К нам слетает тоска.
С розой схожи вы странно:
И молчанье цветка
И твое – безуханны.
Вас сроднила тоска
С той, чьё нежное ухо
Манит мёртво и сухо
Завитком лепестка;
С той, чье имя столь глухо,
С той, кого я забыл;
С той, о ком нет и слуха,
С той, кого я любил –
Та, другая, бывало,
Губы мне отдавала.

В

Что равняешь нас ты
С блёклой розою лживо?
Прошлой нет красоты –
Только новое живо.
Взгляд мой видит в твоём
Как с тобою вдвоём
Мы в объятии слились.

Пусть огонь моих глаз
Слёзы высушит враз,
Что о прошлом пролились,

И скорее умрёт,
Лишь возникнув, желанье –
Покорённый мой рот
Возвращает лобзанье.

РАССЕЯННАЯ

Я с нежностью влекусь за легкими шагами,
Ты – под руку со мной, окутана духами,
Не слыша ничего... Лаура, снизойди
Когда вернулись к нам осенние дожди,
Когда по лужам ты бредешь почти не глядя,
И взор невидяще скользит по мокрой глади
И после в небеса уходит в полусне,
Прислушаться к тому, *что* говоришь ты мне.

ВКРАДЧИВЫЙ II

Нежную жая,
С жаждой сугубой
К уху припали
Жадные губы.

Сердце – в осколки
Взор изумлен,
Только нисколько
Я не влюблен.

Вот так сюрпризы...
Кровь загудела:
Рук моих дело –
Бури и бризы...

Я получу,
Нежно-уверен
И злонамерен,
То, что хочу.

ЧАС

ЧАС царственный, смеясь и обратясь сиреной,
 Горит в сиянии неведомых времен.
 Танцуй же, Луч, танцуй среди холодных стен
 Души угрюмой и надменной.

ЧАС близится, забьёт источник сокровенный.

Пылает прошлое, и глад мой утолен,
 Я одиночеством верховным восхищен,
 Любя в самом себе свой образ суверенный!
 И тайный демон мой легко поработчен,
 В прозрачном воздухе бесследно растворен
 И в мудрость светлую волшебно претворен
 С приходом ясности мгновенной.

ЧАС близится, забьёт источник сокровенный.

Танцуй же, луч, танцуй среди холодных стен,
 Пред оком сумрачным чернеющей вселенной.

ЖЕСТОКАЯ ПТИЦА

Всю эту ночь в объятьях птицы злой
 – Какой восторг! – мне до рассвета снится,
 Что нежные проклятья мечет птица
 В небесный свод, кипящий звездной мглой.

Пронзив меня, со всей моей судьбой
 Покончив враз, твой взгляд не возвратится,
 И в пепел все бывшее превратится ...
 С каких высот слетает голос твой!

Рассвет во тьме рисует незаметно
 набросок дня без видимых примет.
 Мне лишний день – всего лишь промельк тщетный,

Что этот день – когда тебя в нем нет?
 Дню юному отказом я отвечу,
 Лети, душа, обратно – тьме навстречу.

НА РАССВЕТЕ

Рассвет – ещё не давит зной,
И нежность, мягкой пеленой
Рассеянная в ясном небе,
Со скорбью борется земной.

В ночи я вынес столько боли,
О Ночь, терпи теперь и ты
Расцветшие в небесном поле
Полупрозрачные цветы.

Сумей принять их приношенье.
Как вынесешь, ночная боль,
Обетованье возвращенья
Вещей невидимых дотоль?

Столь много видел я туманов,
В бессоннице моих ночей,
Что числю я среди обманов
И силу солнечных лучей.

По воле или против воли
Не знаю, как смогу принять,
О день молодой, на белом поле
Твою червонную печать.

РАВНОДЕНСТВИЕ

To look...

Меняюсь я... Что ввысь неслышно отлетело?
И, власти прежней лишена
Предчувствья усыплять, листва отяжелела.
Безмолвна стала тишина.

Душа, твоих кантат высокое звучанье
Рекой лилось со всех сторон...
Глубокою водой простерлося молчанье,
Над тайной птичьих похорон.

И надо мной, живым, вдруг небеса ослепли...
Вблизи летейских берегов
Уснули на песке, как будто в мягком пепле,
Останки спутанных шагов.

Психею нежную вода вуалью скрыла...
Моя сомнамбула, о ком
Прозрачная твоя вздохнула вдруг могила
Слетевшим с камня пузырьком?

Наедине с собой, Она меня прощает,
Но только взор отводит свой...
Верна, меня бежит, любя, меня бросает
В моей пустыне неживой.

А отчего – Бог весть, и тщетно сердце бьётся,
И Эвридику не вернуть.
Оставь, Орфей, не спорь – она не обернётся,
Змеёй ужаленная в грудь.

Свидетель сумрачный любви невозвратимой,
О Солнце, вот и твой черёд –

С упрямой нежностью тебя, неодолимо,
За реку чёрную влечёт.

Прозрачной осени печальная свобода!
О как мне одиноко с ней!
Все сущее вокруг готовится к уходу,
Исчезнуть – значит стать ясней.

Недвижным «Почему?» застыв окаменело,
В глазах стоял вопрос немой.
Но веко, задрожав, внезапно почернело,
И пало между мной и мной.

О что за вечности, лишь за одно мгновенье,
Нежданно оборвался ход?
Упавшего листа легчайшее явленье
Чертою разделило год.

Крути вокруг меня о ты, листва сухая,
Свой огненный водоворот.
О Солнце! Уходя, одним лучом сверкая,
Пронзи им время, что умрёт.

Осенним ветром в путь невольно увлечённый,
Средь алой паники плыву...
И в вихре золотом кружусь я, изумлённый,
И пробуждаюсь, и живу!

ЛАСКА

Жар сухой мой охлади
Льдом ладони... Несравнима,
Ветвью пальмовой пройди
Мановеньем легким мимо.
Пусть морозный блеск камней,
Мне привычный, растворится,
В трепетании огней,
Затворяющем ресницы...
Тотчас боль моя прошла,
Горькой поросла польнью.
Нежность горе развела
До прозрачного унынья.

ПЕСНЯ НА ДВА ГОЛОСА

Что просишь? – Всего.
Что можешь? – Как знать?
Два слова связать,
Почти ничего...
Что стоишь? – Как знать...
Что хочешь? – Всего.

Что знаешь? – Тоску.
Что можешь? – Мечтать
Скорей пролистать
Всю жизнь по листку.
Ещё что? – Мечтать
Развеять тоску.

Что ищешь? – Свой след.
Что нужно? – Суметь
Всем тем овладеть,
В чем толку и нет.
Что страшно? – Хотеть.
Ты есть? – Меня нет.

В чем долг? – Умереть.
В чём смысл и венец?
– Смогло мне вконец
Всё осточертеть.
Куда ты? – В конец.
Зачем? – Умереть.

ДВЕНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

ДЕВУШКА

Тебе решила я присниться
Такой разумною, такой
Прелестною! – и под ресницы
Плеснула синевой морской.

И радужную оболочку
Пронзила радугой. Твоя
Счастливейшая мысль и строчка
Из самых лучших – это я!

Желая взять в стихотворенье
Всё то, что видимо вокруг,
Ты лишь не упусти мгновенье,
Когда я смехом вспыхну вдруг.

Под лампу, розовый, метнётся,
И по листу наискосок,
Рассыплется, потом вернётся,
Скользнёт обратно в твой висок.

С огнём смешается. Пропажи
Ты не вернешь. И то сказать –
Сама двух голубей в корсаже
Я не умею удержать.

ДУХОВНАЯ ПЧЕЛА

О демиург! Великий дух, творец!
 Алкая, вьёт душа-пчела живая,
 Свои круги у входа в твой дворец,
 Твоих пиров щедротами живая.

Струится мёд среди золотистых сот –
 Хранится там, в таинственном слияньи,
 И ясный свет божественных высот
 И алгебры холодное сиянье.

По прихоти свободного ума
 Пчелиный путь причудливо завьётся –
 Запуталась пчела в себе сама
 И, лёгкая, о стены улья бьётся.

Звучащий след размытого пятна,
 О крохотный молниевидный атом,
 Удержишь жизнь единственную на
 Прозрачном сне, на облачке крылатом?

А бес и плоть – попятный только ход
 Создателя, глухое полыханье
 Огня в золе, бледнеющий заход,
 Погасших солнц предсмертное дыханье. .

Где ты живёшь, о трутень-абсолют,
 Само себя забывшее мгновенье?
 Благословишь – все вещи запоют,
 Опомнятся в тоске стихотворенья.

И мне мила обманная игра,
 Окольный путь во мраке многоплодном,
 Вмещающем все завтра и вчера,
 Горящие на лоне плодородном.

БЕАТРИЧЕ

Легчайшая, стусится тень –
 Боль станет непереносима,
 Мгновенья омрачают день,
 Лишь вздох – и ты уже незрима,

Один лишь шаг, одна ступень –
 И всё навек невозвратно.
 На дне источника хранима,
 Моей любви трепещет тень.

Но знаменья печальны: мнится,
 Что образ глаз твоих двоится,
 Что солнц слепых враждебен лик.

Пахнуло горечью полынной –
 И венчик радужный поник
 И выцвел в глубине пустынной.

ФИЛОСОФ

В безмолвьи знак мне явлен был –
Она своим огромным оком
Предсказывает ненароком,
Что мой недолговечен пыл.

Мой жар, рассеянный, остыл,
Омыт смеющимся потоком,
И поддень в омуте глубоком
На стрелы солнце раздробил –

Как бог листву чуть тронул краской,
Смягчат ребяческий задор
Они тысячеперстной лаской,

Избыток счастья на простор
Взметнётся, и вверху над нами
На искры разлетится пламя.

*

Пальцем двинь – засеребрится
Капля. Глубже окуни
Руки, чтобы притвориться
Нежностью могли они,

Пламенем, лазурью чистой,
Сочетаньем величин
Мнимых мнимостью лучистой
Без опоры и причин,

Не склоняйся этим, тем ли
Ликом в зареве огней
Не гляди на эти земли...
Шум растёт и всё страшней

Козьей маски приближенье,
Звон и головокруженье.

ИЗБЫТЬ ТЕБЯ

Избыть тебя... В надире пламя,
Дымит холодный океан.
Встань парусом, взмахни крылами
Войди в клубящийся туман.

Всё ниже солнце – не пора ли?
Там волны выше и вольней,
Ветров – закрученной спирали,
И соль морская – солоней.

Взгляни, как море запылало.
Прельстись иною глубиной,
Подумай – как нам было мало
Бесцветной мудрости земной!

Свернувшись завитком улыбки,
Скользни тихонько в сумрак зыбкий

*

К окну замёрзшему горячий лоб придвину
Стремится тело в лён, а мысли в облака.
Мое дыхание туманную патину
Бросает на стекло. А в небесах – тоска.

Там в дымке прячутся далёкие века,
Там день сегодняшний – уже наполовину.
И очевидно то, что близусь я к притину,
Что время истекло и жизнь моя хрупка.

Пускай же всё пройдёт! Одно моё молчанье
В сердечной глубине хочу я сохранить.
Смерть памяти своей, представя, предварить.

Пусть прячется любовь в печальном очертании,
Я тень отсутствия, я жду лишь одного:
Что след от бытия сотрётся моего.

К СПРЯТАННЫМ БОГАМ

В глубинах бездонных
Скрывает Нерей
Холодных и сонных
Своих дочерей.
Нет свету прохода
Под гулкие своды –
Там пенится тьма,
И водовороты
Врываются в гроты
И сходят с ума.

Во мраке пещеры
Тромбоны поют,
На праздник Венеры
Невинных зовут,
Призыв животворный
Бесстыдной валторной
Вдали прогудел –
Расправлены крылья!
О, нежность насилия!
Гармония тел!

Глубины, гремите
Под шагом толпы,
И эхом звените
Бездарной стопы.
Но наше жилище
Не заводь-кладбище
Здесь рвут паруса
Ветра грозовые,
И боги живые
Творят чудеса.

Вызывай, бездна,
Времен поворот.
День многолюбезный
Стоит у ворот.
И в день тот великий
Сам Янус двуликий
Сведёт к одному
Мой ум раздвоенный,
И голубь пленённый
Покинет тюрьму!

НОЧНАЯ ОДЕЛЕТТА

Замри и молчи...
Слушай то, что будет.
Тишина разбудит
Тень звука в ночи...

Не голос ли мой,
Лёгкой тенью бродит
И тебя находит
И плачет, немой?

О, это же я.
Я. Я – несомненно.
Тот, кто – неизменно –
Всё любит тебя.

Я – наедине
Во тьме сам с собою.
Укрыт простынею,
Лежу в тишине.

И с легкой тоской,
Но без всякой боли
Ожидаю доли
Не знамо какой.

О как, наяву
Различишь меня ты?
Темнотой объятый,
Я молча зову.

Но зов столь силён,
Что, через молчанье,
Сквозь все расстоянья
Легко пронесён,

Дальний голос мой,
Лёгкой тенью бродит
И тебя находит
И плачет, немой.

ФРАГМЕНТ

... и мёртвые не станут явны снова.
 Быть может, лишь умам, что хрупки и слабы.
 Но твой, но мой – сильнее еще живой алчбы
 Увидеть призраки заветного былого.

Та, преломившая с тобою хлеб земного,
 Взяла бесценные дары моей судьбы,
 Любовь растаяла с послушностью рабы,
 Тщеславных ангелов непостоянно слово.

Чтоб горечь настоять, не хватит чистоты,
 Случайно взгляд–другой на море бросишь ты
 И видишь – пенится все то же сожаленье...

МОЛЧАНИЕ

Величье тишины растёт неодолимо
 И к ночи клонятся весы неумолимо.
 Дня столь желанного последний огонёк,
 Что теплился в горсти, уже совсем поблёк.
 Одно молчание на свете остаётся,
 И ни одна страна от тени не спасётся.
 И даль былых времён теперь недалеко,
 Колени обняла холодная рука –
 Объятье смертное родно душе печальной,
 И вчуже помнится ей свет первоначальный.
 О, что за вздохом вдруг во мне отозвалось
 Что им обещано, но так и не сбылось!

.....

К СТАРЫМ КНИГАМ

О клады древности, о важные Пенаты,
Хранители даров,
Гробницы, где вотще витают ароматы
Потерянных богов,

В тоске, всё об одном пред вами плачет время:
Пусть, набожной рукой
Коснувшись древних книг, с них снимут это бремя –
Их мертвенный покой.

Давно я не люблю, о ты, златообрезный
Тяжело-тесный ряд,
Те горы мудрости, что ношей бесполезной
Живущих тяготят.

Учители мои! Наследство столь огромно!
В пещерах золотых –
Не дышится душе, и груда неподъёмна
Гексаметров литых.

Везде, о мраморы, мне слышен благодарный
И гордый шёпот: мы,
Чистейшей мысли храм построив светозарный,
Навек избегли тьмы.

Страницы мерных од! Вас населяют Греки,
Светила древних лет.
Не виден никому во тьме библиотеки
Их негасимый свет,

Свет пленной красоты, в хрустальном гробе спящей.
Во мраке запертой,
Чтоб и не ведала о страсти настоящей
Телесной и простой.

Увы! Столь долгод сон, что смерти он подобен.
Давно молчит ваш дух.
Кругом лишь варвары, и *слышать* не способен
Их огрубевший слух.

И лебедь белая в далёкие затоны
Потянется с тоской.
И выветрится дух божественный Платона
Из памяти людской.

ЧАСТЬ II

ИЗ ПОСМЕРТНОЙ КНИГИ

CORONA, CORONILLA,
POÈMES À JEAN VOILIER

CORONA

СОНЕТ НАРЦИССЕ

Короною иной прельстится ли чело,
В кольце прохладных рук блаженствуя стесненно –
Источник слез молчит, любовью окруженный,
Лишь тенью легкою волнуется светло.

Твоей груди вдохнув глубинное тепло,
Как сердце счастливо в тиши самозабвенной...
И жалует твой взгляд удел столь драгоценный,
Что слава рядом с ним – бессмысленное зло.

И я учености потуги забываю,
Когда в твоих глазах любовь мне говорит,
И взглядов огненных идет игра живая,

И в молниях шелковых заветный клад горит.
Целуй же этот лоб! Чуть разомкни ладони
И поскорее дай рубин моей короне!

ОДА «ЖАСМИНУ»¹

Глаза твои блестят, что камни грановиты,
Горит огонь живой в оправе темноты.
Тоска моя и смерть их стрелами разбиты.
О соприсущее всему живому «Ты»!

Вокруг – все целиком окутано тобою!
День без тебя прожить – что в мертвую руду
Свое дыханье влить, что тяжкою плитою
Живую грудь накрыть, что век провести в аду...

Мне опостытели мелькающие лица,
Мой труд любимейший – лежит сухой листвою.
К тебе одной стремлюсь, как льнет к гнездовью птица.
Слепой душой лечу на тайный голос твой.

Вдыхаю мысленно я нежный дух, что вьётся
В заветной комнате, в лучах, среди цветов.
Там властная любовь спросонок отзовется
Улыбкою родной на мой упорный зов.

Блуждая наугад, я всё искал дорогу
К твоим глазам во тьме, и вот я на пути,
Что прямо вверх идет до твоего порога,
Там к чаше чаш припав, смогу их вновь найти.

О как устал я их воссоздавать мечтою,
Хочу, в них заглянув, губами их закрыть,
Чтоб вживе свет их пить, чтоб ты была со мною...
И в обмороке вдруг твой трепет ощутить.

ИВА

Дыханье легкое тебя колеблет, Ива,
И мнится мне – плечо трепещет боязливо...
То ветер? Или вздох, внезапный и простой...
И, облачком, любовь взлетает над листвою.
Взгляд, на цветы упав, обманет боль разлуки,
Я жду твоих шагов, ищу твой голос, руки,
То сладостное «Ты», что знаю я своим,
Минута минет лишь... и вот я рядом с ним!
Твое дыхание раскрытых губ коснулось –
И тотчас, задрожав, душа моя очнулась.
Ты здесь! Я чувствую! Пусть полон окоём
Листою и блеском, всё ж – ты высветилась в нём.
Дыханье легкое колеблет ветви Ивы.
Плеча не мнится мне уж трепет боязливый –
И вздох раздавшийся – уже не одинок,
Ведь времени разбит томительный челнок,
Неявность явлена и в яви настоящей
Глотками долгими я пью огонь живящий!

¹ Кодовое имя телефонной линии Жанны Ловитон.

*

Порою я думаю о твоём детстве и... я люблю
 Рассказанное тобой поет в отдаленном сумраке
 прошедшего.

И я люблю...
 Потом, после... нет, я боюсь того, что было после,
 Сломанный цветок, первая рана...
 Твоя юность, сердце...
 Я страшусь воли богов, случайностей, всего того,
 Что произошло не так, как должно было произойти –
 Ты должна была быть только моею.
 Терзая себя, я представляю никогда не бывшее,
 Как пифии предсказывают будущее,
 Я пророчествую вспять.
 И моя любовь столь ясновидяща,
 Что я вижу нас, живущих жизнью
 Такой яркой,
 Такой чистой и такой сладострастной,
 Такой нежной, такой свободной,
 Столь разумной, столь утонченной...
 О, что за дни, что за ночи,
 Нам снятся сны одни, и так певуч расцвет
 Мы встретились среди далеких лет
 Я был, как ангел сиянный,
 С душою сильною и странной,
 В глубины мира устремить
 Хотел я пристальное око.
 И я завлек тебя глубоко,
 Чтоб с гордостью тебя любить.

*

Пусть ветер за окном бушует разъяренно
 Нежней всего наш мир любовью охранён.
 Свой слух замкнули мы, пусть в мире законном
 Бурь поздней осени протяжный слышен стон.
 Порывы смутные их злобы монотонной
 Наш домик маленький трясут со всех сторон –
 Я прелестью твоей спасён и изумлён,
 В надежной крепости навеки заключённый.

*

Телесно ты со мной! Полны ладони Жанной,
И в голове звучит знакомый голос твой,
Мы пьем густую тень дубравы той расстанной,
Где лето хороня, прощались мы с листвою...

Лишь только ты ушла – вмиг мысленная Жанна
Предстала предо мной у краешка стола.
Расположилась в душе моей пространно,
Занятия мои небрежно прервала.

Усилия скучные работы неустанной,
Бессонниц и забот немая чередка,
Лежат, отстранены моею нежной Жанной,
Как рай потерянный забытого труда!

*

О гордый ростр золотого корабля
Несущийся среди валов солёных,
Мой капитан, не видела земля
Ещё таких очей сине-зелёных!

Змеёй скользят изящные борта
И нежатся среди объятий пенных.
И, влажная, прекрасна нагота
Сверкающих обводов драгоценных.

Кораблик мой, плыви себе, плыви!
Ведь, ждущее, всё сердце терпеливо.
Лети к нему, исполненный любви,
Под парусом, что выгнут горделиво.

*

Пускай хоть этим пустяком,
Лишь выйдешь ты из затемнённой
Пучины, лишь под завитком
Ресничным вспыхнет удивлённо

Твой взор, разбужен и влеком
Луча игрою упоённой,
Лишь, вытянувшись целиком,
Разнежишься ты полусонно,

Напомню я тебе, мой свет,
Что кто-то, упредив рассвет
(По мне так ты его светлее),

Строку стыкая со строкой,
С тобою говорил, лелея
И охраняя твой покой.

*

Высокое чело,
Волос густая грива ...
О светоч мой! Моё огниво!
Последнее тепло!

В игре идей верховной
Вся жизнь, как сноп огня.
Разбуженный на склоне дня,
Зарёй горю любовной.

Живу, и надо мной
Пылает лоб надменный,
Желание растёт священной,
Могучей купиной.

Вечернею Авророй,
Душа озарена.
Поёт, надеждою полна –
Прекрасной Полидорой!

*(Перевод с греческого
из Гермодора Византийского)*

ПЕСЕНКА В ОДИН ГРОШ

Твой почерк, спеша,
Мне в душу иголки
Вонзает. Душа
Смеется, дыша.

О чудо из шёлка!
Блистание дней!
(Идут втихомолку
И тоже из шёлка.)

Нежней и нежней,
Пою наудачу,
Средь тягостных дней
Без милой моей.

Пою я и плачу
Казненный? Палач?
Найду ли, утрачу?
Пронзенный, я плачу

И радостен плач.

*

О, Красота, О Розы цвет духовной,
Твой, негасим, горит огонь верховный!
Сколь сладок дар и верить и любить!
Ты, совладав с нависшей тяжко тенью,
Меня спасла: поскольку мною быть –
Что заплутать во мрачном сновиденьи.

Ты, ритм создав, смела нагроможденье
Всех долгих лет, державших в заключеньи
Мой пленный дух: ведь до тебя я был
Отчасти жив и счастлив лишь отчасти
Как в полусне, страдал, мечтал, любил,
Но жадно ждал стократ сильнейшей страсти.

О Розы Цвет, красы необычайной,
Прими же дар заветной песни тайной,
Решился я стихотворенье спрясть:
Ты далеко, тоска мне сердце гложет –
Но знаю я: стихов волшебных власть
Моей мечте тебя вернуть поможет.

*

Слепящая! Ты этою зимой
Как солнце мне, и свет единый мой –
Лишь в тех глазах, что жизнь и смерть даруют,
Лишь в тех глазах, где грозы озоруют.
Но их, к своим прижав, закрою я,
Безумием владания горя,
Помешанный на мысли раскаленной,
Ликуя всей душой вознагражденной:
Люблю тебя! И ты теперь моя!

*

Я жажду, ушла вода живая,
И мир людей теряется в песках,
Все смерть вокруг, лишь ты одна – живая,
Заветный ключ в жасминных берегах...
О, напои водой в твоих руках,
Волной любви недвижимой наплывая.

*

Нет ли в мире чуда,
Розы ль, изумруда,
Сходного ценой
С нежным перламутром
Часа, этим утром
Прожитого мной?

*

Пустеет жизнь, лишь дверь твою закрою
Живущие досадны, даже ум
Постыл мне мой со всей его игрою,
Мои стихи – один ненужный шум...
Что мне они, лишь дверь твою закрою?

Когда за мной захлопнется она,
Потерянно вдоль улиц побреду я.
Как горестно сутулится спина,
С какой тоской предчувствую беду я,
Когда за мной захлопнется она.

Я, глаз твоих не видя, – изнываю,
Мерзит душе вид каменных громад,
Бродя среди них, я время избываю,
Весь этот день – как одинокий ад,
Где без тебя в тоске я изнываю.

*

Тебя я пью – и только дальше дно,
 Все больше я в неволе у желанья.
 Любовь – слабей: оставить ей дано
 Короткое одно воспоминанье,
 В ней каждому легко увидеть дно.

Ты мне чужда! О Жизнь, о Наслажденье,
 Ступай же прочь, поверх всех клятв и уз.
 Царица зла, полночное виденье,
 Стремись ко мне, как я к тебе стремлюсь,
 О Сущая, о Жизнь, о Наслажденье.

*

Я один... пустота у меня за спиной,
 Я веду разговор с темнотою ночною.
 Все черно и мертво, голос тих и угрюм...
 И внимает ему старый слушатель – ум.
 Сердце стукнуло вдруг! Говорит осязанье:
 Ты! Бессмертная, – Ты!.. Явно слышу дыханье
 Столь желанных мне губ... Будто рядом со мной
 Тень легчайших волос кольхнулась волной ..
 Вот сейчас я коснусь драгоценного платья...
 Нет! Увы! – Я один... с пустотою в объятьи!
 Сон развеян – стихи его не возвратят.
 Все занятя мои – опостылевший ад,
 И потерянного не верну уже рая
 Снова ночь... День померк, как зола догорая.
 Вслед ушедшей любви в темноту я смотрю,
 И под лампой своей обреченно курю.

*

День без тебя погас, но от себя самой
 Ты вскоре ускользнешь и верною мне тенью
 В мой лучший сон войдешь.... Среди ночи немой
 Ты самое моё заветное виденье.

Чуть утро – я опять, тобой одной влеком,
 Начну воссоздавать телесный образ милый –
 И будет сердце в нём – моё всё целиком,
 Коль сможет у меня занять живящей силы.

Того же что и я, родная, захоти,
 И волосы свои тихонько распусти,
 И я проговорю, их вновь и вновь лаская:

Истока нежности другого не найти,
 К друг другу нас стремится не сила колдовская –
 Но тяга душ живых забытых взаперти.

*

Пусть тела твоего тепло мне позабылось
 Хочу я чтоб тебе сегодня ночью снилось,
 Что рядом я с тобой, что странствует душа
 Твоя во времени, все пути отреша.
 Объятий просишь ты и мною ты объята,
 Уснув в моих руках, во сне ты ищешь их,
 Ты грезишь обо мне, к груди моей прижата,
 И слух не различит дыхания двоих....
 Стремясь ко мне во сне, ты делаешься дважды
 Моею, за тобой невнятный шепот каждый,
 Что с сонных губ слетел, мной тихо повторён.
 Волной разлившийся, покой преображён
 В подобье вечности, счастливой и безбрежной.
 Слеза моя, скатясь с твоей ресницы нежной,
 Тебя разбудит вдруг среди полной темноты.
 И будем до утра едины я и ты...

РАЗЛУКА

Друг, когда приходит ночь, твое отсутствие невыносимо.
Мое дыхание то делается столь глубоким,
 что каждый новый вздох мучителен,
то учащается, будто понуждая измеряемое им время
 идти быстрее.
Все мои мысли сводятся к одной, и эта мысль – ты.
Все образы в моей голове вытеснены тобою.
Что заставляет меня говорить, когда я не могу
 быть услышанным?
Сейчас ты глуха к моим словам и неуловима.
Я не нужен тебе, но в наступившей ночи воспоминание
 о тепле твоего тела наполняет меня унынием.
Я проснусь в одиночестве перед рассветом,
и рядом со мной не будет ни твоей нежности, ни голоса,
 ни губ, ни твоего взгляда.
Все то, что я чувствую, исчезает в пустоте.
Все то, что я произнес, было услышано лишь моим
 молчанием.
Отчего я тебя так люблю?

*

Пусть лазурь в небесах и блесит, золота,
Ты – душою проста,
Ты закрыла глаза... приоткрыла уста...
И попала под смерч – он же с силою грубой
Мои губы швырнул на любимые губы.
Прочь их не оторву, раз припав, буду пить –
И живой поцелуй буду длить я и длить.
Губы губы поят и губами поимы
И горят и томят жаждой неутолимой.
Губы губы замкнут, плоть смыкается в клеть,
Чтобы лучший наш миг не сумел улететь.
Губы страдают в губах, словно мякоть под спудом
И течет сладкий сок опьяняющим чудом.
Но того не могу ни вместить, ни понять
Что придется нам их хоть когда-то разнять.

*

Распахнуты сердца, и общий грех допит
 Стакнутыми устами,
 И вновь преодолён забытый нежный стыд
 Заблудшими перстами,

Жизнь дважды не прожить: ты солнца не вернешь
 С заката вспять к притину,
 К цветущим берегам обратно не дойдешь
 Сквозь жизненную тину.

Да, всё сказали мы... Но, наших слов сильней,
 Но, чистый словно пламя,
 Сжигает поцелуй всё зло постылых дней,
 Что ныне правит нами.

Ничто не устоит, любви спасенья нет,
 Когда в мгновенье ока
 Вдруг осветит дневной неумолимый свет
 Нас с ясностью жестокой.

Отчаянье теперь мой скрашивает путь,
 И сердце, как гробница....
 Но под моей рукой бывшей любимой грудь
 Нежна, как голубица,

Как счастье – полна, как горлица – тепла,
 Вся жизнь, вся ожиданье
 Того прошедшего, в котором жгло дотла
 Двойное содроганье!

*

Моя родная,
 В столь ясный день
 Меж губ твоих
 Смерть проскользнула...

День этот был
 Златой, шелковый,
 С надеждой новой
 Я ждал, любил...

Но рот твой нежный,
 Моя родная,
 В яд превратил
 Всю кровь мою.

Младое солнце
 Златило сны.
 О, как огни,
 Все наши дни...

Двумя словами
 Приговорила.
 Проговорила:
 «Иди умри».

Другой получит
 – Мол, жизнь решила –
 Ту, что была
 Твоею милой.

Любовь, мечты,
 Слова, цветы,
 Что знал лишь ты –
 Его отныне...

Родные губы
 Раскрыты нежно!
 И неизбежно
 Несут мне смерть...

Но ты ли это?
 Возможно ль это?
 Моя родная,
 О, столь родная!

Дня синева
 Угля черней.
 Еще черней
 Твои слова.

Душа до дна
 Тобой, родная,
 Оскорблена
 И пронзена...

День этот был,
 Как шелк злаченный,
 И, обреченный,
 Я погибал –

Весь напоенный
 Тобой, мой свет.
 Обожествлённой
 Слуга, Поэт.

Давно, томима
 Угрюмым сном,
 Была палима
 Ты злым огнём.

Что ж, коль сумеешь,
 Счастливой будь.
 Топчи со всеми
 Свой малый путь.

Необлегчима,
 Боль сердце гложет.
 Пускай хоть это
 Тебе поможет.

Моя родная,
 О, столь родная
 О, ты ли это,
 Как ночь черна?

Моя родная,
 О, светоч мой,
 Ты скрыла всё
 Могильной тьмой.

CORONILLA

ИЗ ЦИКЛА
СОНЕТЫ ЖАНУ ВУАЛЬЕ

РОМАНС

Не печалься – уже немало
Для двоих – печали моей.
Существует любовь! О ней
Я все знаю: не миновала

И меня она. Сто ночей
Шёл к тебе я – ты ускользала,
Но сияли сквозь покрывало
Аметисты твоих очей...

О, как жадно уста алкают
Уст твоих... Только тьма пуста –
В ней слова мои затихают...

Пустоту целуют уста.
Не печалься, любовь моя:
Пусть уж буду печальным – я.

В МАНЕРЕ ПЕТРАРКИ

Верховный цвет, отрада поздних зим,
Не знал мой век прекраснее страданья,
Пусть червь любви – средь славы и признанья –
Меня грызет, но жив я только им.

Как сладостно мне пить твои лобзанья –
И лучший стих с губами несравним.
Твои глаза, горя огнем живым,
Мне памятней, чем все воспоминанья.

Меня своей ты мучишь красотой,
Пытаем я сладчайшей пыткой той,
Когда в мой сон тыходишь каждой ночью –

Телесная, в сияньи наготы...
Всех мук моих жестоких средоточье,
Сладчайшая! Лаура – это ты.

*

Тела сплелись и корни их – едины,
В разгаре страсть: раскинув восемь крыл,
Двуглавый зверь все силы устремил
На штурм одной божественной вершины.

В одном клубке колени, руки, спины –
И труд кипит: угрюможадный пыл
Два существа в одно соединил
И в спазмах сжал заветные глубины.

Еще, еще – и за толчком толчок,
Скорей, скорей – и за скачком скачок,
Вперед и вверх, ступенью за ступенью,

И наконец, отчаянно спеша,
Взорвется плоть, и в высшем наслажденьи
Ввысь воспарит единая душа!

*

О Цвет вечерний мой! Теряю, полный боли,
Тебя по лепестку – последний, горек мёд!
Ты – призрак паруса, что средь бескрайних вод
Бледнеет каждый миг и уж не виден боле.

В том тяжесть адова моей несчастной доли,
Что чашу сладкую томительных щедрот
С последней нежностью судьба мне подаёт
На грани вечной тьмы – туда по доброй воле
Протягиваешь ты и розу и нектар,
Но все во мне кричит, что я уж слишком стар,
Что немощная плоть к теням уже стремится –

И я с отчаяньем твой принимаю дар:
И будь благословен последний тот пожар,
Которым сумрак мой предсмертный озарится!

ИЗ ЦИКЛА
СТИХОТВОРЕНИЯ
С ПРОСТАВЛЕННОЙ ДАТОЙ

*

Четыре часа утра

... Как будто голос твой меня окликнул где-то.
Проснулся. НИКОГО... Давно зашла луна,
Ночь близится к концу и шорохов полна –
И море и листва, в остатки тьмы одеты,
Невидимые мне, шумят и ждут рассвета,
Боясь спугнуть твой сон, застыл я у окна.

Скрыто от меня рождение пейзажа,
Ни море, ни листва не переборют тьму;
Отсутствие твое столь горестно уму,
Что он рисует сам подробности миража:
Спокойное лицо, и легкий вздох... и даже
Как будто плоти зов почудился ему.

Как разбудить мне жизнь, чтоб задрожали крылья
Её? Плодов чужих – решишь ли я вкусить?
Излишества любви, лишь стоит губы слить,
Посыплются на нас из рога избылья,
И я в безумии верховного усилья,
Вдруг натянув, сорву трепещущую нить!

НО НЕТ! Пусть нежится безвольно мысль нагая,
Пусть сердца мерный стук мне слышится пока,
И тянется к нему во мрак моя рука,
Зиянья пустоты едва не достигая...
Багряный Диск взойдет, в золу меня сжигая,
И мир бессильного увидит старика.

Четверть шестого
20 апреля 1938

Ты едешь... Что ж, с тобой лишь ненамного реже
Встретаться будем мы – ведь оборвалась нить
Бесед бесчисленных двух голосов веселых,
И счастье *стать* одним потерянно молчит...

Я мыслью за тобой отправлюсь осторожной,
Счастливым, что хоть так с тобой побыть могу –
Насельником угла в твоей мечте дорожной,
Хоть памяткой... иль хоть... совсем из сердца вон.

Внезапно оживет душа в работе трудной
Начнёт изобретать стечения чудес:
Какой нелепый сон – на станции безлюдной
В вагоне поезда мы встретились с тобой.

Как холодно... Усни... Прижмись ко мне теснее...
Согрею, сберегу тебя я в этом сне:
В моих руках ты спишь, а мне совсем не спится –
Что любишь ты меня, тебе быть может снится.

27 ноября 1942

ПРЕДРАССВЕТНАЯ БАЛЛАДА

Хоть бодрствует под лампою зажжённой
 Моя любовь, в уме – царит разлад.
 Лоб высится, лучами освещённый,
 Невидящий, сосредоточен взгляд...
 Но, подлинный, не там ищу я клад!

Рука моя! Не нужно исступлённо
 Тянуть слова из мрака наугад!
 Пусть пальцы, вдруг разжавшись, потаённо
 Уснувшую тихонько навестят...
 Силком слова являться не хотят!

Что проза мне? – Ведь и в животворящей,
 Как и в мертвящей, мало красоты.
 И много в ней тщеты ненастоящей,
 И холодом разят мои листы!
 Уж лучше мне балладу спеть для Спящей,

И взять взамен немного наготы...

22 февраля 1943

*

Как зимой, потускнел и поблек небосклон,
 Весь в дрожащих слезах, сад волнуется старый.
 У себя мы, и тих пополуночный сон:
 Сновидения – словно чары.
 Безыскусен и прост тот таинственный храм,
 Что воздвигли мы здесь благосклонным богам,
 Давшим встретиться нам так счастливо с тобою,
 Среди теней и цветов – столь чудесной судьбою –
 Нас друг в друга влюбя, и закон сотворя,
 Тот, что ты – хороша, ну а я – **это я**,
 Тот, что – назло годам и враждебному свету –
 Двум дорогам сойтись суждено в это лето.

11 июля 1943

ИЗ ЦИКЛА
НЕДАТИРОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭЛЕГИЯ

Мою любовь кругом тревоги обступили,
И странен ей самой её окольный путь,
Хотя ей ясно всё в моем телесном пыли, –
Я никогда не мог в глаза твои взглянуть,
Чтоб сразу же мои слезами не поплыли.

На волю выпустив измученный твой рот,
Иду домой один по улице просторной,
И чувствую печаль, что на сердце растёт
И завтрашнего дня тоскою самой чёрной
Исполнен каждый шаг и каждый поворот.

Твой голос снится мне, а я в извивах ада
Свершаю нехотя обязанностей круг.
Вкус хлеба моего – вкус тленья и распада,
И если кто-нибудь меня окликнет вдруг,
Звучит в моих словах смертельная досада.

Я знаю горестно, почти наперечёт,
Все то, что сбудется, лишь за моей спиною
Ударит сухо дверь. К тебе другой войдёт.
Слабея, вижу я, как радостью иною
Твой равнодушный взор внезапно оживёт.

Мне вспомнится окно, увитое цветами
И вид на улицу из комнаты твоей...
Пусть мысли ревностью себя отравят сами!
Жизнь сжалася в комок, день меркнет вместе с ней,
Я всё ищу тебя ослепшими глазами.

ПОСЛАНИЕ ПУСТОТЕ

Я – ужас Пустоты, душа, что расхотела
Сама себя... Ведь прочь куда-то отлетела
Вся музыка её, всех наших вечеров
Погасли радости, и наших двух голов
Затеи кончились – на встречу в воскресенье
Надежды больше нет, и время, бледной тенью,
Как нищий, под окном рассеянно бредёт,
А попрошайки-дни у запертых ворот
Под мрачный храмлют марш с рассвета до заката,
Прося былых щедрот, но сердце, как когда-то
Не встрепенется уж при входе в тайный храм
– Дом голоса и глаз... душа напополам
Не разорвется уж пред пропастью безбрежной
Разверзшейся, когда коснутся пальцы нежно
Сокровищ в темноте... Верховные, скажите,
Мгновения мои, как мне без вас прожить?

*

О та, что предстала
Живой купиной!
Любимая мной
Склонилась устало.

Приникла ко мне
Своими ветвями –
И вниз головами
Летим мы во сне.

Нам рухнуть в забвенье
Столь сладко вдвоём –
Мы в пропасть падём
Стремительной тенью.

Мир пуст – ничего
В нём не сохранилось,
Но вдруг проявилось
Все благо его.

Прислушайся к страсти:
Внезапно замрёт –
И каплю прольёт
Верховного счастья.

*

Волос тишайший водопад,
Зубов жемчужных ровный ряд,
И пристально-пытливый взгляд –
Два восходящих вверх сиянья.

О Тело – власть и естество –
Как алчу я его всего.
А обниму – и... ничего
Лишь горечь тщетного желанья.

К устам моим Твоя рука
Прижата. Речь Твоя сладка,
Я – по веленью языка –
Одной Тебе – заветным слогом –

Нет, нам двоим – среди этих дней –
Слагаю оду... Должно ей,
Пусть страсть час от часу сильней,
Любви моей служить залогом.

О, волосы и руки – вы
Веленьям верные волхвы,
Вы – губы (сжать до синевы
И пить – я слаще мёда не пил!)

Скажите Той, что хороша:
В плену её едва дыша,
Алкая, тело и душа,
Себя самих сжигают *въ пепель!*

ОДА ЖИЗНИ

Любимая! Накоротке
 Сойдемся вместе в уголке...
 О, что нежней и слаще вкуса
 Полуглотка-полуукуса?
 Сплетясь, друг в друга впились или
 Друг в друга влились Инь и Янь –
 Не разберём: то Я ли Ты ли,
 А! Все одно! мы эту грань
 Во рту, как льдинку, растопили.

Пусть первая прекрасна часть
 Иных открытий жду я бодро,
 Мне говорят – всему пропасть!
 Мы над собой теряем власть! –
 Уже не стиснутые, бёдра...
 Решусь я, выбрав путь другой,
 К дрожанью под моей рукой
 Тропинкой бархатной спуститься.
 Готов туда переместиться
 Хоть к вкусу губ твоих привык
 Мой, ждущий нового, язык.
 Я твой своим неволил вволю,
 Как мнём во рту мы манго долю.
 Теперь иной настал черёд –
 Нежнейший мне потребен плод –
 Ему постылы шутки пальца,
 Открой, скорей открой же вход
 К рубинно-красному страдальцу!
 Колени только лишь раздвинь,
 Опять сольются Янь и Инь!
 Язык иную чует сладость
 В том гроте, где рыдает радость!

Я выше не ищу отрады:
 Здесь буду долго – сколько надо.
 Всё пью и пью неуголённо...
 Дрожа, вдруг покраснела ты,
 Волной накрыта потаённой.
 Искажены твои черты,
 Пора! Сжигая все мосты,
 На штурм разверстой тесноты
 Иду! Дороги мне открыты,
 Лишь миг – и форма с формой слиты!

О-о!.. Тут уж трудно медлить нам,
 Рывком вздымаяся на кручи,
 Плот плоти скачет по волнам.
 Самоуверенно-могучи,
 Два полушарья бьют и бьют
 – Размах широк, удар их лют –
 Швыряя душу вверх за тучи.
 И крупной дрожью задрожав,
 Густую гриву грубо сжав,
 На миг дыханье задержав,
 Я жизни вдруг услышал голос!
 Золоторунный жесткий волос
 Пронзая, замер грозный пыл...
 И содрогнулся гибкий колос,
 И пламя из себя излил,
 И тотчас небо расколосось.

Счастлива ты и я счастлив,
 Горит во тьме слепого взора
 Двойное солнце, осветив
 Золото-розовой Авророй,
 Всю нашу жизнь, о Полидора...

*

Нам хорошо спалось, но... что же это с нами –
 Не под одними мы лежали пеленами,
 Сплетя персты во сне, средь преизбытка благ –
 Нет, были души врозь, и в собственных телах.
 А сердце все стучит в своем уединеньи,
 Но тайны больше нет в пустом его биеньи!
 Всё хочет, кажется, оно часами стать
 Чтоб все шаги в ночи бесцельно сосчитать.
 ... Но на исходе ночь, и мы с моей Любовью
 Тихонько к твоему подходим изголовью –
 И вот: мои слова – стихи уже почти,
 Проснись, открой глаза, и сразу их прочти.

*

Всё переймешь, всё переманишь,
 И званый вечер и наряд.
 Не заполучишь – не отстанешь
 Всё что ни схватит жадный взгляд.

Фантазию любую сразу –
 Лишь только промелькнёт – лови!
 Подай сейчас сады, алмазы...
 О монстр презренья и любви,

Клянусь, коль был бы я могучий
 Диктатор – кто там на уме:
 Железный бош, великий дуче –
 Тебя держал бы я в тюрьме.

О тяжелей не будет веки
 Повинности: тебя любить –
 Я не умею даже веки
 Твои губами притворить.

И если блеск вещей слепящий
 Твоей тоске необходим,
 Увидишь мрак ты настоящий
 Лишь встретится твой взор с моим.

Ночь нежного существованья
 Кончается у той черты,
 Когда я чую содроганье
 Во мраке *подлинного ТЫ*.

*

Изгнанница Рая,
Бессмертное «Ты»!
Дрожишь, догорая,
Среди темноты.

О хоть бы уснула!
А мне не до сна:
Из темного гула
Восходит луна.

И с миром молчащим
Мы – наедине,
Над морем, горящим
В холодном огне.

Во сне наяву я
И ночью и днём,
Любовь, всё живу я
В сияньи твоём.

*

Хороша... но еще и нежна и порою
Столь близка, что твой взор – это вся ты и есть.
Вживе тешимся мы вечно юной игрою,
Трепеща на краю – там, где счастья не счесть.

Нашим звездам сойтись не дано в небосводе,
Но сродство все равно сердце к сердцу прижмёт:
Радость с горем сольем в своевольной свободе,
Наших ласк в темноте мёд меняя на мёд.

Обратила в ничто без малейших усилий,
Лишь взглянув, ты мой ум и им пройденный путь.
Мы хаос их потом нежно перемесили:
Бедный лоб приняла драгоценная грудь.

Но могучий порыв пред вершиною зыбкой
Нежных тайн не сметет бурной мощью своей.
И стеснение сил разрешится улыбкой
И любовники вмиг превратятся в друзей.

Все теснее сродство! И о, сколь упоённо
Наши губы слились! Как близки Я и Ты!
С мыслью сходится мысль в тишине потаённой,
И согласно поют две святых наготы!

*

Руки не уняли дрожи –
 Но тепло твое хранят.
 И слова – с твоими схожи –
 В тишине еще звучат.

Кажется – твои объятья
 Завлекли меня туда,
 Где по странному заклятью
 Близкая – уже чужда.

И во тьме, многоголосо,
 Дни и ночи напролёт,
 Душу рвущие вопросы
 Страсть в сомненьи задаёт.

И рука пьяна, тоскуя,
 Плеч касаясь и волос.
 Знаешь ты, что не могу я
 На тебя смотреть без слёз?

(PRESTISSIMO)

Иногда – да, иногда – нет
 Иногда – мысль, иногда – бред
 Все – твои прекрасные позы.
 И в глазах блеск, и в глазах смех
 И веселие без помех
 И стоящие тихо слёзы.

Смесь безумная пустяков,
 Планов, губ, болтовни, стихов,
 Двух тишин (иль дум удивлённых).
 Все нам по сердцу, все под стать –
 И смеяться, и трепетать
 Средь порывов вознаграждённых.

Иногда – нет, иногда – да,
 Вся чудесная ерунда,
 Что печальной жизни – пружина...
 И нам нравится быть вдвоём
 Ты – во мне, все моё – в твоём,
 И отдельные суть едино.

*

Закрой глаза! И я легчайшею рукою,
 Как ветвью пальмовой, коснусь твоих волос...
 И охвачу тебя как бы волной покоя...
 Где близость сладостней, чем на пороге слёз?

Я для тебя хочу быть больше, чем прохожим:
 Быть тишиной твоей и нежностью самой,
 На золотой рассвет хочу я стать похожим,
 На воздух, где живет влюбленный шепот мой.

Скорей закрой глаза! Я здесь, с тобою рядом!
 Невидимый тебе, я за собой позвал!
 Два сердца шепчутся, делясь заветным кладом,
 Пред тем, как все сметёт грядущей страсти вал...

ИЗ ЦИКЛА
 ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ
 (1945)

IL DISPERATO

День завтрашний теперь уж не придёт,
 День нынешний – под чёрной пеленою,
 Грядущее отхлынуло волною
 И навсегда ушло в водоворот.

Рождённых вновь – ничто уже не ждёт,
 Бессмысленно отныне остальное,
 Исчерпано живое и иное,
 Я разорён – теперь и их черёд.

Поддельно всё: брильянты, души, лица.
 И коль тебе надежда вдруг помстится –
 То старая заигрывает блядь:

Сквозь слой белил проступит мерзость жизни,
 Не разберешь сперва, а утром, глядь:
 Ты целовал отвратнейшего слизня.

*

День долог... без тебя, без нас, без «Мы», без «Ты»,
 Руке моей средь пустоты
 Знакомые не отыскать колени,
 Вторая – вся в тоске о плене
 Густых волос... И не могу я, сам не свой,
 Сойтись – лицо к лицу – с опасной головой.
 День долог... опершись о мой, твой лоб не сможет
 Развять мысли в нём, что так его тревожат.
 Не можем заглянуть в глаза друг другу мы,
 Не пью я из твоих манящей чёрной тьмы
 И нет в моих ни слёз, ни светлого всполоха.
 Как долог день... Мой ум – беспомощен. Мне плохо.
 Объятье разомкнёшь... и смертью засквозит.
 И мне родною став, она меня сразит.
 И выбор за тобой... Решение простое:
 Вот ты, вот смерть. И я застыл меж вами стоя,
 И знаю я теперь уже наверняка:
 Жизнь может оборвать любимая рука.
 И в ней моя душа – как слабый лист дрожащий
 На иве, что вчера, мы видели горячей
 В потоке золотом закатного огня
 И гаснущей во тьме с лучом последним дня.

22 мая 1945

Последнее стихотворение Поля Валери (+20 июля 1945)

ПРИЛОЖЕНИЕ

В последней рукописной тетради Поля Валери, хранящейся в отделе французских документов Университета города Остин (штат Техас), есть одна, поистине необычайная, страница. Она датируется 22 апреля 1945 года.

Тремя неделями раньше, Жанна Ловитон (более известная под своим литературным псевдонимом Жан Вуалье) объявила Валери о разрыве. Это был день Пасхи, Великое Воскресенье – «Воскресение, обратившееся для меня Положением во Гроб». 22 апреля тоже выпало на воскресенье – *их день*. Он провел его в одиночестве. Чтобы развяться (или чтобы ещё раз побыть с нею), он открывает конверт со стихотворениями «Короны» и перечитывает их.

Любовь ушла от него. Он вскоре умрёт. Мы это знаем. Он это чувствовал.

И в этом его последнем письме, письме, которое никогда не было отправлено и которое может быть озаглавлено «Прощание со стихами», две власти – любовь и поэзия – две химеры, от которых он, двадцатилетний, думал навсегда избавиться и которые теперь стали всей его жизнью, объединились¹.

«Вот уже пять часов как я здесь, наедине со слишком красноречивой тишиной. И все еще – воскресенье. Время тянется медленно, и его много. Я ощущаю сладость Вечности. Песчинку за песчинкой отсчитывает, падая, черный песок.

Но надо отвлечься. Я открываю ящик стола, беру тяжелый конверт. Перелистываю страницы...

¹ Отрывок из вступления Бернара де Фаллуа к французскому изданию посмертной книги Поля Валери «Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier», Éditions de Fallois, Paris, 2008.

Polydore, front beau
De chevelure drue...¹

Дальше...

Comment vivre sans vous, moments puissants et chers...²

К кому обращены эти стихи, для кого они? –

Tes yeux me sont au cœur des pierres enchâssées...³

А эти? –

Mon amour est de crainte et vit dans les alarmes...⁴

Ô TOI que je ne puis regarder au visage
Que mes yeux aussitôt ne se voilent de pleurs.⁵

или эти? –

Amour sur toi veille sous quelque lampe,
Esprit qu'il est, à cette heure sans corps...⁶

Кажется, что это написано в 1560 году вслед Петрарке.

Но и эти – ТАКИЕ ЖЕ⁷:

Je respire en esprit la plus tendre des chambres...⁸

(Увы! – нежная комната... комната брачных ночей. Ты верно рассчитала, эти стихи придется вернуть туда, откуда пришли, рогачу их не оценить.)

¹ Из стихотворения «Высокое чело...».

² Из стихотворения «Послание пустоте».

³ Из стихотворения «Глаза твои блестят, что камни грановиты».

⁴ Из стихотворения «Мою любовь кругом тревоги обступили» (Элегия).

⁵ Из стихотворения «Мою любовь кругом тревоги обступили» (Элегия).

⁶ Из стихотворения «Предрасветная баллада».

⁷ du MESME.

⁸ Из стихотворения «Мою любовь кругом тревоги обступили» (Элегия).

И это маленькое стихотворение, которое я нахожу таким изящным:

Ô ma statue à douce voix
Déesse à qui je prends les doigts
Et baisés, dis ce que je dois
Selon le cœur de mon langage...¹

– оно просится в антологию.

Листаем дальше – сердце сжимается сильнее и сильнее:

Ô de tes mains saisi, fraîches comme des fleurs
Mon front ne songe plus de toute autre couronne...²

И еще :

... Cette adorable loi
Qui t'ayant faite belle, et moi, m'ayant fait moi,
Il fallait qu'en dépit du monde et des années
Fussent dans l'ombre en fleurs jointes nos destinées...³

Какая чушь этот «восхитительный закон» !

О, в этом что-то было:

Suprême Rose, Orgueil de mon hiver
Ô le plus beau malheur de mon histoire...⁴

Или

Fleur de mon Soir et miel de mon dernier breuvage...⁵

И начинает действовать другой яд: мне больно смотреть на эти стихи. Все же есть в этой гряде что-то стоя-

¹ Из стихотворения «Волос тишайший водопад».

² Из стихотворения «Короною иной прельстится ли чело».

³ Из стихотворения «Как зимой, потускнел и поблек небосклон».

⁴ Из стихотворения «Верховный цвет, отрада поздних зим».

⁵ Из стихотворения «О Цвет вечерний мой! Теряю, полный боли».

щее – о, бедная, бедная грудь - мои заветные часы, часы песен, часы молитв....

Досадно. Могла бы выйти книга, какой еще не бывало в нашей поэзии. Я никогда не слышал вот этой, особенной ноты:

Ferme les yeux... Voici ma voix... Voici la palme
De ma légère main... Je te viens effleurer...¹

И этой – пронзающей :

Tremble, tombe légère, un souffle t'aime, SAULE...²

Ива – мертва. Она – догадалась. Она не захотела заглядывать в окно, чтобы увидеть все остальное...

Бедная Ива, бедный трепет нежности и поэзии, который мы разделили с ней! Стемнело.

И стихи, мои бедные стихи, которым я отдал все мастерство, всю душу – вы обречены. Вы выставляете меня на посмешище: этих слов я не могу произнести, пусть исчезнут бесследно и гордость моя, и нежность.

Не напечатают вас с суеверной точностью, не выйдет маленький томик – а я почти уже видел его. А ей... – не бывать ей моим издателем.

Мне уже стыдно, что я сплел этот венок, в котором вы сияли алмазами...

Вы не заслужили этого, но вас отвергли, от чести считаться вашей вдохновительницей отказались.

Я вас люблю, мои стихи – я не только вас вижу, я чувствую что там были еще и другие, много других...

¹ Из стихотворения «Закрой глаза! И я легчайшею рукою».

² Из стихотворения «Ива».

Но верить нельзя никому, ни на чье сердце нельзя полагаться.

А Ты... никто не будет любить тебя так глубоко и сильно, как я.

Музыки, подобной музыке моей любви, ты не услышишь больше никогда. Никогда».

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
---------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

CHARMES

Заря.....	7
Ода Платану	10
Песнь Семирамиды	13
Песнь колонн.....	17
Пчела	20
Поэзия.....	21
Шаги	23
Пояс	24
Спящая	25
Фрагменты Нарцисса	26
Пифия	35
Сильф.....	42
Вкрадчивый	43
Мнимомертвая.....	44
Попытка Змея	45
Гранаты.....	54
Потерянное вино.....	55
Intérieur	56
Кладбище над морем.....	57
Тайная Ода.....	62
Гребец	63
Пальма	65

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ
РАЗНЫХ ЭПОХ

Снег.....	68
Крушение.....	69
Беседа (для двух флейт).....	70
Рассеянная.....	72
Вкрадчивый II.....	73
Час	74
Жестокая птица	75
На рассвете.....	76
Равноденствие	77
Ласка.....	79
Песня на два голоса.....	80

ДВЕНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Девушка	81
Духовная пчела	82
Беатриче	83
Философ	84
«Пальцем двинь – засеребрится...»	85
Избыть тебя	86
«К окну замерзшему горячий лоб придвину...».....	87
К спрятанным богам	88
Ночная одежка.....	90
Фрагмент	92
Молчание	93
К старым книгам	94

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

CORONA

Сонет Нарциссе	99
Ода «Жасмину»	100
Ива	101
«Порою я думаю о твоём детстве...»	102
«Пусть ветер за окном...»	103
«Телесно ты со мной!»	104
«О гордый ростр...»	105
«Пускай хоть этим пустяком...»	106
«Высокое чело...»	107
Песенка в один грош	108
«О, Красота...»	109
«Слепящая! Ты этою зимой...»	110
«Я жажду, ушла вода живая...»	111
«Нет ли в мире чуда...»	112
«Пустеет жизнь...»	113
«Тебя я пью – и только дальше дно...»	114
«Я один, пустота у меня за спиной...»	115
«День без тебя погас...»	116
«Пусть тела твоего тепло мне позабылось...»	117
Разлука	118
«Пусть лазурь в небесах...»	119
«Распахнуты сердца и общий грех допит...»	120
«Моя родная, в столь ясный день...»	121

CORONILLA

Из цикла «Сонеты Жану Вуалье»

Романс	124
В манере Петрарки	125

«Тела сплелись...»	126
«О цвет вечерний мой!»	127

Из цикла

«Стихотворения с проставленной датой»

«...Как будто голос...»	128
«Ты едешь...»	129
Предрассветная баллада	130
«Как зимой, потускнел и поблек небосклон...»	131

Из цикла

«Недатированные стихотворения»

Элегия	132
Послание пустоте	133
«О та, что предстала живой купиною!	134
«Волос тишайший водопад	135
Ода жизни	136
«Нам хорошо спалось...»	138
«Все переймешь, все переманишь...»	139
«Изгнанница рая...»	140
«Хороша.. но еще и нежна и порою...»	141
«Руки не уняли дрожи...»	142
Prestissimo	143
«Закрой глаза!»	144

Из цикла

«Последние стихи» (1945)

Il disperato	145
«День долог...»	146
Приложение	147

Поль Валери

Собрание стихотворений

Валери П.
В15 Собрание стихотворений / Пер. с франц. Алексея Кокотова. – М.: Водолей, 2014. – 160 с. – (Пространство перевода).

ISBN 978–5–91763–209–4

Собрание стихотворений Поля Валери (1871–1945) состоит из двух частей. В первую часть включен полный русский перевод книги «Charmes» (1922) (в том числе таких выдающихся шедевров мировой лирики, как «Кладбище над морем», «Пифия» и «Пальма»), небольшого собрания «Несколько стихотворений разных эпох» и посмертного цикла «Двенадцать стихотворений». Во вторую часть вошли первые русские переводы из сенсационной посмертной книги Валери «Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier», вышедшей в 2008 году и содержащей полторы сотни до той поры неизвестных поздних стихотворений великого поэта.

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)

Технический редактор А. Ильина
Корректор Н. Федотова

Подписано в печать 20.05.14. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура Палатино
Печать цифровая. Печ. л. 10

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

ФГУП Издательство «Известия» Управления делами
Президента Российской Федерации
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6.
Контактные телефоны: 650-38-80
<http://izv.ru>

9 785917 632094

Пруденций. Сочинения / Пер. с лат. Романа Шмаракова. – М.: Водолей, 2012. – 264 с.

Китс Д. Малые поэмы / Пер. с англ. Сергея Александровского. – М.: Водолей, 2012. – 100 с.

Крамер Т. Зеленый дом: Избранные стихотворения / Пер. с нем. Евгения Витковского. – М.: Водолей, 2012. – 160 с.

Из шотландской поэзии XVI–XIX вв. / Пер. Сергея Александровского. – М.: Водолей, 2012. – 132 с.

Книга завещаний: Французские поэтические прощания и завещания XIII–XV веков / Пер. с франц. Я. Старцева и Г. Зельдовича. – М.: Водолей, 2012. – 236 с.

Томсон Джеймс (Б.В.) Город страшной ночи. Поэма / Пер. с англ. Валерия Вотрина. – М.: Водолей, 2012. – 72 с.

Ли-Гамильтон Ю. Воображенные сонеты. / Пер. с англ. Юрия Лукача. – М.: Водолей, 2012. – 312 с.

Бодлер Ш. Цветы Зла / Пер. с франц. Адриана Ламбле. – М.: Водолей, 2012. – 220 с.

Нобре А.П. Мельник ностальгии / Пер. с португ. Ирины Фещенко-Скворцовой. – М.: Водолей, 2013. – 172 с.

Лоренцо Медичи и поэты его круга: Избранные стихотворения и поэмы / Пер. с итал. Александра Триандафилиди. – М.: Водолей, 2013. – 276 с.

Иосиф Эксетерский. Илиада / Пер. с лат. Романа Шмаракова. – М.: Водолей, 2013. – 240 с.

Былого дальний зов: Сто переводов Сергея Шоргина. – М.: Водолей, 2013. – 128 с.

Миллей Эдна Сент-Винсент. Любовный хлеб / Пер. с англ. Марии Редькиной. – М.: Водолей, 2013. – 112 с.

Дикинсон Э. Два Заката / Пер. с англ. Татьяны Стамовой. – М.: Водолей, 2014. – 152 с.

Леопарди Дж. Бесконечность / Пер. с итал. Татьяны Стамовой. – М.: Водолей, 2014. – 64 с.

Лесьмян Б. Запоздалое признание / Пер. с пол. Геннадия Зельдовича. – М.: Водолей, 2014. – 184 с.

**Книги издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

ГУП «ОЦ»Московский Дом книги»

119019, Москва, ул. Н.Арбат,7
тел. (495) 789-35-91

ТД «Библио-Глобус»

101990, Москва, ул. Мясницкая, 6\3, стр. 1
тел. (495) 781-19-00

Дом книги «Молодая гвардия»

119180, Москва, ул. Б. Полянка, 28, стр. 1
тел. (495) 238-00-32

ТДК «Москва»

125009, Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1
тел. (495) 629-73-55, (495) 629-64-83

Галерея книги «НИНА»

Москва, ул. Волхонка,18 / 2
тел. (495) 201-36-45

Книжный магазин «Русское зарубежье»

109240, Москва, ул. Н.Радищевская,2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

Книжный магазин «Фаланстер»

109012, Москва, М. Гнездииковский пер.,12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»

E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20

П

Собрание стихотворений Поля Валери (1871–1945) состоит из двух частей. В первую часть включен полный русский перевод книги «Charmes» (1922) (в том числе таких выдающихся шедевров мировой лирики, как «Кладбище над морем», «Пифия» и «Пальма»), небольшого собрания «Несколько стихотворений разных эпох» и посмертного цикла «Двенадцать стихотворений». Во вторую часть вошли первые русские переводы из сенсационной посмертной книги Валери «Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier», вышедшей в 2008 году и содержащей полторы сотни до той поры неизвестных поздних стихотворений великого поэта.

